

18+

Необходимость в деструкции

Анна Ягодкина

Анна Ягодкина

Необходимость в деструкции

«Издательские решения»

Ягодкина А.

Необходимость в деструкции / А. Ягодкина — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В жизни существуют белые и черные полосы: после черной полосы обязательно наступает белая. Надо только пережить черную, повзрослеть. Легко сказать! Милому и доброму юноше Жене Кузнецову только исполнилось 18 лет, как его жизнь накрывает черная полоса: умирают родители. Он остается совершенно один перед лицом беспощадной жизни. С целью подзаработать немного денег парень соглашается стать участником боев без правил. Нужно только взять и повзрослеть, чтобы черная полоса жизни перестала волновать. Книга содержит нецензурную брань.

© Ягодкина А.

© Издательские решения

Содержание

Необходимость в деструкции	6
Запись 1	6
Запись 2	7
Запись 3	10
Запись 4	11
Запись 5	13
Запись 6	15
Запись 7	19
Запись 8	28
Запись 9	31
Запись 10	33
Запись 11	35
Запись 12	38
Запись 13	41
Запись 14	46
Запись 15	48
Запись 16	52
Запись 17	55
Запись 18	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Необходимость в деструкции

Анна Ягодкина

Am I too lost to be saved?

Amy Lee

Корректор Надежда Фейденгольд

Дизайнер обложки Мария Илюхина

Фотограф Анастасия Митяева

© Анна Ягодкина, 2026

© Мария Илюхина, дизайн обложки, 2026

© Анастасия Митяева, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0070-0976-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Необходимость в деструкции

Запись 1

Все опустело. Такого разочарования и опустошения вокруг я еще не видел никогда в своей жизни. Занятно то, как это серое сплошное неподъемное негодование обстоятельств внедрялось в меня. Я менялся и погружался медленно на дно вместе с этим печальным отчаянным непотребством. Мать умерла. Не смогла, наверное, пережить смерть моего отца. Полтора года после потери, серьезно? Она не могла чуть дольше дать себе времени на некоторую реабилитацию, дать неопределенному невозмутимому и неясному шансу раскрыться? Или она из уважения и скупой противной вежливости ждала моего восемнадцатилетия?

Два месяца назад мне исполнилось восемнадцать. Никогда бы не подумал, что свою взрослую жизнь так бы откровенно истошно и сомнительно начал. Черт возьми, даже собака моя умудрилась сдохнуть. На прошлой неделе я как-то утром встал, заварил крепкий кенийский чай. Стал одеваться. Мне казалось, что собака просто так глубоко и увлеченно дрыхнет. Однако, судя по тому, как она неподвижно валялась в углу моей квартиры, я все понял ослепительно, пронзительно и быстро. Что же, теперь я остался абсолютно один. Женька-сиротка.

Зовут меня, кстати, Евгений. Я — студент медицинского факультета. Поступил туда отчасти по просьбе родителей, отчасти потому, что мои хорошие знакомые были нацелены на этот вуз, в котором теперь учусь я. Факультет лечебного дела, первый курс.

Денег нет. Оплачивать счета нечем. На достойную работу меня пока боятся принимать, на мне волчий билет остался после школы. Пытался покончить с собой, потом еще алкоголя много перепил, так, что откачивали... Уже который раз....

Честно, поражаюсь сам тому, как смело поступил мой университет, взявшись меня учить дальнейшие 6 лет у себя.

Во дворе на рекламной мелкой листовке увидел предложение участвовать в боях без правил. Зарплата за одну схватку весьма хорошая. Позволит мне, во всяком случае, пару «дошираков» в день есть да горячий душ принимать.

Делать нечего — буквально вчера позвонил в их контору, узнал, как там с участниками у них. Приняли меня в течение 15 минут банального телефонного разговора. Поначалу сомневался в правильности своего выбора: может быть, стоило попытаться просто поискать лучше какую-либо работу? Но уже выбора другого нет, я формально подписан. Завтра вечером иду к ним на встречу, выслушать основные требования и главные обязанности своей новой работы. Я хоть и довольно худощав, ребра в определенных ракурсах видно, выпирают, деформируя немного мою бледную кожу.

В свое время отец учил меня эффективно и ловко уворачиваться от атак злоумышленников, воров и прочих возможных недоброжелательных ребят. Учил — им надобно отвечать. Помню, как вчера, куда бить, как валить на пол человека, как оглушить или вообще сознание вытряхнуть на время из человека. Но теория оправдывает недостаток практики?

Я с тех самых пор, с пятнадцати лет, уже не занимался нормально зарядкой, не ходил в спортзал, на улице перестал по утрам бегать. Пропал стимул как-то. Лишь йогой изредка порой занимаюсь. Но йога не поможет мне, будем честны, повалить на пол настоящего сумоиста, пришедшего с той же целью произвести эффект на руководство и заработать денег. Я постараюсь возобновить мои занятия спортом. Думаю, причина очень веская для этого.

Запись 2

Нашел в себе наконец смелость поговорить с профессорами, которые у меня в университете ведут лекции. По-хорошему, я надеялся, что медицина — область научная, настолько трудоемкая и обширная, что я без проблем смог бы отвлечься, лихо обособиться от наступающих мне на пятки проблем, несчастных потерь и горестных утрат. Однако я остался совершенно один. И бороться с подобными проблемами тоже мне предстоит в гордом застоявшемся одиночестве. Наверное, такие требования для прохождения во взрослую жизнь по-настоящему.

Никогда не спрашивал своих родителей, одиноко ли им было жить. Все равно, мне кажется, несмотря на всю эту семейность, каждый, находясь в уникальном одиночестве, формировал себя, развивал себя как личность и боролся с определенными жизненными трудностями. Один. Вот и я один. Быстрее, как предполагал.

От безденежья медицина не способна меня полностью увлечь. Я не прочь забиться в угол знаний и там спокойно и невинно совершенствоваться. Однако я все чаще стал повторять себе, что у меня нет денег. Это унижительное положение пагубно влияет на мой характер. Все профессора душевно поддерживали: глаза у них были невыносимо грустные. У каких-то достаточно взрослых, ближе к пожилому возрасту, людей наворачивалась пара слез. Они не капали по лицу. Вы знаете — это сильное поверхностное натяжение. Создавалось лишь впечатление, будто их взгляд заимел дополнительную прозрачную и удивительно красивую, отдающую интересными бликами окружающих деталей жизни оболочку. Они все похлопали меня по плечу, пожали сердечно руки. Учиться на медика невероятно тяжело, как они тогда говорили, но они сделают редчайшее исключение в отношении меня и будут относиться снисходительнее, пока мне самому в душе не станет лучше.

Мне интересно рассуждать: в душе мне никак. Я переживаю эмоциональное отсутствие эмоций. Я выгорел, я перестрадал тогда, в подростковом возрасте. Сейчас передо мной сероватая бесстрастная пелена легкой усталости и тягостной меланхолии. Короче говоря, меня поддерживали все, кроме одного профессора, сравнительно молодого на фоне всего университетского состава. Он жестоко огрызнулся в ответ, когда я стал рассуждать о том, что мне придется ближайшее время часто пропускать, не так глубоко вдаваться в предмет. Этот лектор отвечает за математический анализ. В его мыслях это самый что ни на есть необходимый предмет, а я — страшно слабохарактерный, безумно хилая тряпка, незнамо кто! Хотя я его понимаю и совсем не обижаюсь на его слова: он сам же вырос в детдоме и строил себя сам. Может быть, он как-то находил возможность в себе сочетать заработок денег и учение наукам. Наверное, таким людям легче в жизни: они просто несчастные. И общество их жалеет, так как у них объективно ничего достойного не было. Всему человечеству свойственно забывать некоторые закономерности: ребенок без всего теряет куда меньше, чем ребенок, когда-то получивший нечто ценное. Абсолютно бедный переживет в два раза спокойнее свою бедность, нежели тот, кто беспощадно будет столкнут из достатка в эту самую бедность. Вот и я, упавший, почти сломленный. Жил в семье, выгуливал собаку, учился в школе, гулял с друзьями, вдохновлялся умными неоднозначными девушками. И все так быстро во мне, вокруг меня опустело. Не жалеют такую рухлядь, пытавшуюся покончить с собой в школьное время.

Школа, правда, мне нужно здесь написать об этом, была сомнительная. Не знаю, почему меня родители отдали именно туда. Сами они не из рабочего общества, не склонные жить по образу жизни заводских работяг. Ученая, образованная интеллигенция у отца. Ораторский талант юриста, выдающиеся умения адвоката у матери. Скорее, эта школа являлась вынужденной мерой. За полгода до моего первого «первого сентября» одно учебное заведение с весьма хорошим рейтингом и занятым педагогическим составом с какой-то стати снесли. Отец был вне себя от возмущения и недоумения от этой новости. Документы уже были поданы, государ-

ство автоматически перевело всех таких учеников и ранее учившихся в какое-то новое здание. Хотели сохранить и устоявшийся педагогический состав, но он практически весь гордо и уважительно уволился. Пришел весь сброд, откровенно говоря. А дальше отчего-то не находилось времени забрать обратно документы и поступить в другую школу. И совсем проблематично это все стало в конечном счете, стоявший на учете мальчик со сложным характером и неподъемными переживаниями ни одной другой школе ныне не представлял интереса.

Друзей у меня мало. Со многими общаться было безумно скучно, глупо и бесполезно для меня самого. Была одна троица: Серьга, Максон, Лешик.

Максона не стало год назад: он на год позже вообще в школу пошел. И восемнадцать лет свои встретил в выпускном классе. Однако его как-то быстро и невозмутимо забрали в армию. Там он и получил смертельные для себя ранения. Или его там добились свои. Точной информации я, к сожалению, не имею. Что написали однажды, то и склонен воспринимать.

С Лешиком сложно, хотя всегда было удивительно интересно: парень он смысленный, смекалистый, однако страдал алкоголизмом весомым уже с класса восьмого. Честное слово, таким мозгом обладал. Но в один из его запойных периодов мы поссорились с ним достаточно мощно, что до сих пор некоторый осадок неприятный в душе остался. Но вы бы знали только...

Ситуация максимально тягостная, грузная, дурацкая. Моя вина: я испугался, дурак. Оставил его и осудил за разлагающий в совершенстве запой. Не додумался рассудить, как он упал, что чувствовал и каково ему было там, на дне, покрытом колкой, режущей щетиной этого алкоголизма. Щетина эта, конечно, запущенная была. Дурак он, что распустил так руки. Хотя мне трудно предположить: умерла мать, а отец сам спился. Оказал невообразимо серьезное влияние на сына. Он был один, а я лишь... Как бы я хотел суметь связаться с ним, поговорить и попросить прощения. Как бы я хотел узнать, как у него дела. Жив ли он еще. Хотя я не теряю никак надежду, кто-то из знакомых сообщает, что, вроде, существует, ходит оживленно по этой всей земле. Лешик, ты такой молодец. А мне еще переживать все то, что тебе пришлось одолеть, начиная с восьмого класса.

Серьга со мной остался. В начальной школе он был со стороны скромным, прилежным и любезным мальчиком. Наверное, в душе его ничего особенного не поменялось. Но что-то тоже непоправимое для него щелкнуло: сейчас он сидит на игле. Героин, мефедрон... Едва ли я его уговорил не покупать у местного дилера ЛСД. Читал и прекрасно знаю, добьет. Сейчас, правда, все это тоже его добивает. И какой-нибудь отпуск в виде перехода временного на кокаин или марихуану — чушь, лишь оттягивает медленней время. Все это в конечном счете его добьет, но я искренне верю в его ремиссию. Главное, подыскать хорошего и образованного нарколога. Пока Серьгу можно вытащить, пока он соображает. Пока еще не урод. Лишь участились случаи нелегальных приступов депрессии и прочей гнетущей, гниющей меланхолии, едкой тягости жизни. Побаиваюсь, как бы он не совершил самоубийство. Глаза после приступов у него бывают стеклянные, как обесцененный драгоценный камень. Но сейчас я вижу, я всем сердцем чувствую, как он борется сам с этим всем состоянием. И я, возможно, самоотверженно ему помогаю. Сам не знаю, откуда столько во мне этой благородной самоотверженности. То ли я проследил невольно всю историю падения человека. И знаю цену этого падения и давно соотнес личность с наркотическим нарывом внутри него. И уже несколько лет ранее уяснил: влияние плохой компании старшего брата, соперничество братьев за звание любимого ребенка при врожденном преимуществе старшего, притом, что отчего-то старший брат получился хитроумной хладнокровной гнидой, имеющую высокую толерантность к наркотическим веществам. Уверен, что наркомания Серьги не должна меня отталкивать от него. Не хотел бы я повторить глупой и бессердечной ошибки с Лешиком. Возможно, самоотверженность моя связана в целом с тем, что это мой друг детства. И сейчас в этой взрослой жизни я никого откровенно не знаю. Все кругом такие чужие и далекие от моей жизни, моих проблем, моих переживаний. Возможно, моя самоотверженность связана с тем, что я боюсь остаться совершенно один. А

Серьга — чуть ли не последняя моя связь с прошлым, поддержка моего настоящего и стимул будущего.

Запись 3

Есть еще девушка, к которой я испытываю самые нежные что ни на есть чувства. Ее зовут Саша. Спустя некоторую череду приятно сумбурных бесед мои отношения с ней улучшились, укрепились. Достаточно я проникся доверием и каким-то особенным проявлением симпатии, воздушным, заботливым и непокорным, к ней. Пока мы просто с ней дружим. Хотел бы я ей всерьез понравиться. Мы не так давно с ней общаемся. Что я несу: едва ли прошло два месяца, а я уже устремлен с нарастающим ускорением к тому, чтобы развивать все дальше и дальше, быстрее и быстрее эти отношения. Дурак дураком: самонадеянный и все еще пока наивный. Может быть, бои без правил выбьют из меня эту ребяческую наивность, мешающую бороться с жизнью за жизнь. Интересно, если я борюсь с жизнью за жизнь, то в таком случае с кем я в самом деле сражаюсь и за что по своей сути?

Недавно вышел на перекур с одноклассниками. Когда я нерасторопно раскурил первую сигарету, уже многие уходили обратно в помещение, готовясь к следующей лекции. К тому моменту вышла она, несколько отчужденная, сторонясь всех нас. Она и обычно замкнутая весьма, задумчивая, однако в тот день особенно. Все ушли, последние табачные листки пеплом упали на сырой асфальт, ветром затем унесенные. Меж пальцев оставался лишь бычок. Наверное, она ждала, что и я пойду вслед за другими. Обособленная все так же от всех, она достала Marlboro. Казалось, она явно не ждала того, чтобы я достал вторую сигарету.

«Твои вредные привычки тебя рано или поздно добьют. Живи в розовых очках, как остальные. Оставайся слепым и продолжай думать, что твое несчастье самое тяжелое», — тяжело, невыносимо меланхолично огрызнулась она в мою сторону, тут же потом отвернувшись.

Я молча докурил, яростно скрывая свое недоумение и тупую боль в груди от этой фразы, пошел на следующую лекцию. Порой мы с ней словно на одной волне, приятно и мило общаемся. Часто эти темы о научном. Если разговор куда-то стремится к личным темам, она старательно и ловко их обходит. Нередко замечаю синяки глубоких оттенков у нее под глазами, отеки незначительные на лице, порезы и агрессивно нанесенные царапины у нее на руках, на плечах, на шее, на ляжках. Знать бы мне, что происходит с ней после университета: селфхарм, попытки в порыве не убить себя при нервных срывах, домашнее насилие со стороны отца или парня? Есть ли у нее парень?

Интересно, какие ей вообще парни могли бы откровенно понравиться? И какова вероятность того, что я попаду под это описание ее типажа парней?

Знала бы она, что мне не проще, чем ей. Совсем не легче. Едва ли свожу концы с концами. Иногда посреди ночи просыпаюсь в холодном поту, слишком встревоженный. Ощущаю себя в такие моменты несчастным, потерянным, одиноким человеком, который практически прожил свою жизнь. Захожу в ванную и вижу молодого, щуплого, бледного, уставшего парня. 18 лет, господи, что это такое? Почему это со мной произошло?

Глупый вопрос, он только сбивает с толку. О нем нужно рассуждать строго после того, как я смогу выбраться из этой неоднозначной ситуации жизни.

Пожалуй, так.

Может быть, она поймет, что я тоже несчастлив, примерно так же, как и она; что мне в той же степени тягостно и мучительно, как и ей. Я смогу ей понравиться?

Стоит рискнуть. Хоть как-то воспользоваться своим несчастным потрясением жизни. Как бы подгадать удачный для того момент...

Запись 4

Вечером одного дня мне позвонили. Номер был мне незнаком. Однако что-то мне подсказывало: необходимый, роковой для моей жизни набор цифр. Нули, единицы, нули, девятки и одинокая четверка посередине. Именно она меня смущала, когда я несколько растерялся при звонке. Но все же ответил, может быть, больше по инерции, чем по собственному желанию. Или, быть может, уже мое собственное желание — не потерять в потоке несущейся забывчивой толпы ценность своей жизни. Так сказать, жить — это не просто долго существовать. Недавно я вообще себя поймал на той мысли, что считаю время беззвучно и терпеливо, но до какой даты мне считать? Неужели мне теперь спиться и умереть безвестным, прозрачным парнем где-нибудь в девятнадцать?

Мое собственное желание, наверное, в какой-то момент и стало частью моей личной инерции. Я ответил на звонок. Как оказалось, звонили по моей оставленной заявке на участие в боях без правил. Все же не зря мельтешил перед зашифрованными рекламными плакатами, хотя какие там плакаты? Туалетная бумага: мне куда экономнее будет тратиться на самую бумагу. Такими неприметными, заурядными и блеклыми листочками только бы и подтираться. Но я же ведь заметил. И что со мной? Стало быть, бои без правил действительно только для тех, кому необходимы они.

Агентура (или как мне правильно назвать тех, кто этим заправляет?) пригласила меня сегодня, через два часа с момента окончания телефонного разговора, посетить их помещение для переговоров и прочих заседаний. У них есть множество требований для меня, на меня планируют взвалить некоторое число обязанностей. Однако несколько раз упоминалось достойное вознаграждение за мои честные заслуги, которые вполне от меня могут быть. Я уже в первом разговоре поверхностно освятил ситуацию насчет своего решительно неясного финансового положения, лишенного всякой структуры, какой-либо поддержки. Я спросил, хватит ли мне их вознаграждения, чтобы не упасть в пропасть нищенской тьмы? Чувствовал, как они язвительно ухмыльнулись где-то там у себя и задумчиво вздохнули.

«Мы гарантируем тебе полноценное существование. Не сдохнешь. Если будешь внимательно слушать то, что мы будем тебе говорить. Приходи. Ты нужен нам. Непременно», — уверенно и развязно, не дожидаясь от меня совершенно никакого ответа, собеседник оборвал разговор.

Мне сообщили об адресе: двух часов мне хватит на дорогу к ним. Они обосновались, конечно, не в диаметрально противоположном конце города, однако полтора часа я знатно потеряю, уезжая к ним лишь на переговоры. Знаете, если все это важное из себя руководство решится слишком часто меня звать к себе на информативный чай, я стану значительно проседать в университете. Как мне объяснить, почему не смог появиться вовремя уже который день? Они жалостливо опустят глаза и снова крепко похлопают по плечу, если я заговорю о подработке некоей, однако это совершенно нецелесообразно — оставлять студента, даже не появляющегося на невероятно важных студенческих мероприятиях, сессиях тех же, например. Я говорю о худшем. Надеюсь, меня правильно поймут. И те, и те. Сейчас мне бы стоило собраться. Скоро начнет темнеть, к вечеру обещали сильное похолодание. Благо, ветер не такой сильный: уши продувать не должен. Да и помешать он склонен мне при дальнейших размышлениях о моей жизни.

Подпольные неформальные организации. Не отмеченные ни на каких картах места действия, любой направленности. Каждый день я рискую тем, чтобы мое убитое или добитое тело едва ли нашли бы полицейские. Каждый день я рискую умереть пленным, несвободным и безобразным человеком. Представьте себе, я иду рисковать, чтобы справиться с риском, более опасным для моей и без того неопределенной жизни. И эти стремительно мотающиеся из места

в место воздушные массы? Болеть нельзя, лишаться бдительности в целом тоже. Рискую заболеть, чтобы признаться себе, что болеть запрещено. И почему только я ощущаю себя таким сломленным и бесталанным? Рискуют лишь смелые и сильные духом. А слабохарактерным и потерявшимся рисковать возможно? Или все они умирают? Неважен сам риск, интересен лишь его исход. Сильные духом способны умереть героически. Обыкновенным рискованным людям порой и умереть нормально, красиво не получается. Мне стоит хотя бы задуматься на тему того, какие чувства я хотел бы испытать на финальном пути своих дней. И это точно не чувство безысходности и несвободы. Пускай риск и выращенная жажда к приключениям, хоть каким, наполнит меня полностью!

Кстати, будут деньги, мне бы уже пора могильные плиты родителям заказывать. Спасибо на том, что оставались средства на фирменные гробы. Первая серьезная покупка моего совершеннолетия!

Пока там безымянные кресты. Им бы что-нибудь более эффектное и запоминающееся, что ли...

Запись 5

Интересный и необычный относительно собственных впечатлений выдался сегодня день. Я сейчас даже не говорю о том, что я решительно отправился в эту контору обсуждать бои без правил.

Надо сказать, меня приняли на должность, так сказать, участвующего в бою. Конторка с виду неприметная, серая, прозрачная. Подвальное помещение, которое формально не отмечено ни на каких картах. Скользкие крутые ступеньки. Коридор не освещался вовсе. Какие-то лампочки были мной замечены только где-то посреди общего коридора в их кабинет переговоров. Что касается самого места заседаний, то внутри достаточно занято. Очень тихо, однако каждый предмет в помещении о чем-то, утопая в беспрерывном потоке надежд и стремлений, пытается крикнуть. Именно что крикнуть. Им всем не удастся говорить. Что забавно: по итогу же все молчат. Освещение теплое, однако отопления недостаточно, чтобы чувствовать себя комфортно без куртки или пальто. Все вокруг было каким-то потертым, изношенным. Однако личные вещи начальников, напротив, сверкали новизной и уровнем должного качества. Из-за всего этого в голове возникало неприятное чувство диспропорции, определенного рода диссонанс ощущений. Эти люди мне не представлялись. Одному я звонил и договорился с ним об этой встрече: узнал я эту персону по голосу. Предпочту назвать его каким-то руководителем на местах. Вторым походил на должность советника первого. Оба грузные, насупившиеся, коренастые, широкоплечие. Руководитель имел во взгляде какую-то насмешливую долю злой иронии, периодически нахально скалился. Речь его была протянутая, вдумчивая. Он пытался оценить меня, всмотреться в самую душу. Советник стоял в это время сзади, над душой, я бы сказал. Поникий, очень тяжелый своим настроением, которое я чувствовал без слов и специального разговора! У обоих многочисленные рубцы, царапины, гематомы на теле. На руководителе я даже в некоторых местах, мне показалось, видел следы от уколов. Все это мне, конечно, не внушало доверия. Пару секунд несколько раз я так вообще думал отказаться и более упорно просто найти адекватную подработку. Но подкупило какое-то скрытое сочувствие ко мне этих двоих людей. Мне невольно казалось, что это и есть максимум их поддержки — предъявить условия, позволившие бы мне выжить.

Мне нужно быть им благодарным.

— Евгений... Евгений Кузнецов. Худощавый бледноватый молодой человек, склонный держаться в беспорядочных боях, значит, склонный к развитой силе воли. Шустрый, но все еще непримечательный своими силовыми характеристиками. Умный, врач. Сирота, — руководитель, фиксируя на словах все, что он сегодня понял обо мне, прищурившись, своеобразно взглянул на меня, словно пытаясь поставить себя на мое место, делая это очень туманно и смутно.

— Длинные кудрявые красивые волосы, красивое симпатичное лицо, карие глаза, печальные, щетина какая нежная на щеках. Делаю вывод: лицо разбить не побоится. Шансы есть и надежда есть. Ты не так безнадежен. Посмотрим, как новую партию пришедших в бои без правил оценят наши зрители. Они основные спонсоры. И от них будет зависеть, приживешься ли ты. Номер свой я тебе оставляю. Завтра тебе отправим домой посылку с базовым ассортиментом. Отслеживай сообщения, когда будут твои бои. И никогда не смей пропускать звонки от меня или людей, стоящих выше меня. Бывай.

И я вышел. Напоследок, перед тем, как вновь переступить порог к той неосвещенной области пространства, посмотрев на эти лица еще раз: грузные, деформированные жизнью. Если сравнивать их со стеклянными стаканами, то бока их явно все побиты, какие-то узорные картины на стенках этих стаканов выбиты или искажены. Плещется в этих стаканах какая-то

странная темная жидкость, издали напоминающую кока-колу из своего детства. Неоднозначные впечатления.

Я вышел на улицу. Небо сделалось на один тон темнее, облаков практически не наблюдалось. Уличные фонари, казалось порой, могли дотянуться до этого необъятного глубокого неба и слегка осветить его. Асфальт был сырым, мокрым, темно-темно-серым. Добираясь до ближайшей автобусной остановки, я вслушивался то в пульсацию своих ушей, то в биение сердца, то в стук моей обуви об этот самый шершавый асфальт. Сильно вдруг захотелось курить. Сигарет не было, да и, скажем честно, мне совсем непривычно было ощущать подобную тягу к чему-то такому, такому же грузному и печальному. Я пытался представлять, что пар, заметно видимый при выдохе, является своеобразным сигаретным дымом, способным меня успокоить и подготовить к взрослой жизни. Влажный холодный воздух окутал меня полностью. Я словно утонул в природе, которая неведомым мне образом обращалась именно ко мне. Ее потерянный на время интерес ко мне я лишь смог осознать, окончательно сев в автобус. С закрытыми дверями закончилось непосредственно обращение чего-то абстрактного и величественного ко мне.

На меня накатили интересного рода мысли, в связи с чем я сделал вывод о том, что и день сегодня, в принципе, очень необычный.

Знаете, как обычно происходит: ты либо забываешь напрочь о каком-то травмирующем событии и живешь, как бы обособляясь от него, как будто живешь без этой травмы; либо же при случайном воспоминании о травмирующем событии тебя разбирает прошлая жизнь, существовавшая вплоть до этого самого травмирующего случая; разбирает на части ностальгия, тягота потерь. Понимаете, это какие-то причудливые две мысли: «ух ты, господи, это действительно со мной когда-то происходило, но я так разобрал эту травму, что теперь мне важнее разобраться с другими» и нечто вроде «господи, это действительно со мной происходило, каким я был, каким я стал, что случилось за этот промежуток времени, хочу ли я правда забыть про эту травму?»

А у меня одновременно нечто промежуточное. И самому сложно понять. С одной стороны, я вышел с неопределенным, ребяческим желанием поделиться позитивной новостью с родителями. Затем мимолетно я вспомнил, что теперь у меня совсем никого нет. Родителей нет и никогда больше не будет их в моей жизни. С другой стороны, желание делиться у меня не пропало. Вовсе нет. Я на удивление спокойно отнесся к этому факту о моей большой потере. И меня куда больше волновала мысль высказаться. Как мне хотелось кричать о том, что только что моя жизнь куда-то сдвинулась. Как хотелось рассуждать о том, что будет дальше, как мне дальше жить. Как хотелось кричать, страдать с надрывом и даже плакать.

Я хотел кричать так, как хотели бы кричать все те предметы — обыденные, фирменные, неприметные и уникальные, о том, о чем они все давно хотели бы с надрывом пересказать. Но я поступаю совершенно так же, как и они: по итогу молчу...

Запись 6

Вчера написал Серьга, предложил в баре посидеть, выпить рюмку-две виски с содовой. Отказывать ему не стал. Постоянно размышлял над тем вопросом, насколько целесообразно и в целом разумно закрывать наркотическую зависимость алкоголем. Однако отказывать ему в этом я не научился до сих пор. Меня губит в некоторой степени та мысль, что от легкого наркотика ему могло бы быть легче, в отличие от приема тяжелых наркотиков. Но по факту это лишь более замедленная дорога к смерти. А как жить иначе? Бред. И я тоже умираю. Мое безнадежное положение разве не тот самый «легкий наркотик»? И никто не подсаживал, я сам себе вколол бешеную дозу из шприца все это. Правда, я и не отвечал за то, что в какой-то момент жизни ненароком себе вколол подобный наркотик жизни. Стало быть, я неисправимый наркоман, невозможный для осуждения со стороны, но чрезвычайно трагично умирающий. Да, я чувствовал, словно стал быстрее, чем обычно люди везде умирать. Это еще сильнее меня в душе сблизило с Серьгой. И вчерашняя вечерняя встреча с ним меня невообразимо обрадовала.

Культурные подпитые посиделки оказались не менее занятыми, чем их ожидание в моих чувствах. Сам Серьга стал выглядеть несколько лучше. Хотя он оставался все таким же бледным, худощавым, с изуродованными, разъедавшими кожу вокруг следами от уколов. Появилось чувство, будто он резко начал быть обеспокоен своей внешностью. Изобретательно мучился со своей белесой челкой, покрасился, должен заметить, в светлый. Лицо чистое, почти во всех местах ровное. На месте огромного обреченного на все ухо шрама виделись какие-то дохлые, но попытки украсить ушную раковину различными специальными аксессуарами. Живая искра в глазах мне невольно внушала надежду, что возможно все еще сойти с этой отчаянной бесповоротной дороги.

— Лешик объявился, — слегка уныло, наигранно равнодушно сообщил он.

— Что? — я почувствовал, как высоко от удивления поднял свои брови.

Казалось, мое лицо все растянулось в вытянутый овал от того, что я только что услышал.

— В соседнем районе живет. Хмурый, серьезный парень стал. Пьющий, наверняка, все еще. Но поживее ныне, поактивнее. Развиваться упорнее начал, — продолжал ровным, умеренным голосом отвечать Серьга, всем видом стараясь показывать свою отстраненность от этого события.

— От кого узнал?

— Соседи по игле, — смутился резко и стыдливо мой друг.

— А они откуда? — будто не заметив, невзначай расспрашивал его я.

— В одном доме живут теперь с ним. Я еще ходил к ним в гости, издали узнать так: он или не он. Он.

— Уезжал куда-то? Если, так полагать, с какого-то времени Лешик сейчас живет в доме соседнего района.

— Да, уезжал. В Питер куда-то, как расслышал. Творческие порывы, нарывы. Творческие гнойники, оригинальное шило в жопе заиграло в нем. Да и в целом, его ничто не держало, и не держит, наверное, здесь. Но там, в Петербурге, то ли ситуация какая-то неприятная и отвратительная с ним случилась, то ли одна новость отсюда его заставила сюда приехать. Внезапно же объявился.

— Что будешь делать?

— А что делать? Ничего! — Серьга возмущенно и как-то несогласно округлил глаза, нетерпеливо вдруг порывшись в карманах, достав из верхнего кармашка куртки полную упаковку фирменных сигарет. — Выйдем покурить. А то здесь душно как-то. Не та обстановка для такой темы щепетильной.

Самому очень хотелось курить. Выпитый виски, как универсальный катализатор, сгущал краски этого желания. Мы тихонько вышли на улицу. Тут же в лицо дунул влажный воздух, в котором, такое ощущение, периодически от холода кристаллизовалась вода, которая и находилась в воздухе. Несколько тяжело было чувствовать отягчавший холод, однако, это добавляло чего-то специфически приятного. Бодрило практически сразу, я смог немного протрезветь и мыслить более широко. Совсем стемнело. Небо было в этот раз глубоко синим, чересчур ясным. Фонари вокруг придавали нескончаемому холсту некоторый оттенок фиолетового. Как только я устремлялся взглядом в это небо, хотелось думать обо всем сразу. Мнимое, лишенное веса чувство, что в этот момент я способен взглянуть на свои проблемы более мудро, по-своему разумно. Серьга поделился дорогими сигаретами. Я сделал большую затяжку. В легкие проник грубый ароматный табачный дым, чьи колебания я раздумчиво ощущал в своих легких. И это помогало почему-то думать лучше. Боже, и откуда у Серьги такая дорогая марка? Где он только взял?

— Он принял решение отказаться от своего прошлого. Не хочется стучать из-под заброшенного дна, — прервал задумчивое молчание осторожно Серьга, далеко смотря на поблескивавший в каком-то уголке неба спутник. — Может, он просто забыл, каково по ощущениям его прошлое? Не стоит совсем от него отказываться. Определенный фундамент должен остаться, от чего впоследствии возможно было бы оттолкнуться. Человек не умеет начинать с чистого листа. Это глупость!

— Зачем людям фундамент? Некоторые, как плот, могут просто по реке плыть. И скорость реки является единственной их скоростью жизни, — усмехнулся многозначно Серьга.

— Думаешь, Лешик теперь безосновательный? Сломленный непробиваемой правдой своего горького юношества? — с небольшим недоверием и острой ухмылкой спросил я.

— Кто его знает? Возомнил, будто ему хуже всех! — развел широко руками мой друг, скорчив недовольное лицо. — Самый умный, в Питер уехал раны заживать. Пока в голове не уложится, не устаканится, никакой Питер не поможет!

— У тебя тоже не уложилось. Зарываешься в недомолвках своего сознания в этих всех шприцах да порошках, — хмыкнул угрюмо и вдумчиво я.

— Ты не лучше. Изнутри рвешься броситься под какой-нибудь тяжеленный мощный поезд. Чтобы тебя разорвало на части. По местам, которые едва ли заживают в твоей душе, — бросил убедительно и искренне Серьга, на миг посмотрев устремленным образом прямо мне в глаза, затем неловко отвернувшись.

— Не сказать, что мне прямо-таки совсем все равно на то, что с ним сейчас происходит. Все-таки в одной школе учились. Одного трудовика, одну русичку обсуждали в подробностях. Не думаю, что ему сильно лучше, чем нам. И меня это как-то же по-дурацки напрягает. Даже не знаю, как попытаться наладить отношения с ним и хотя бы попробовать узнать, как у него дела. Посмотри только на меня: не лицо, а рыло сплошное! Блистательный роскошный ярлык о том, что крест на мне поставлен, врос с корнями в мозг и начал стремительно оседать на всем теле.

— И я, может быть, не лучше. Держусь на соплях живой. Рисоваться особенно смысла нет. Кого заботят разговоры о том, кто как держится, кто как не пытается спиться, не опускает руки и наоборот, с бутылкой водки не придешь. Тяжелый и болезненно шершавый откат в прошлое. Недобрая нота при попытке восстановить общение. Нужно с чего-то усредненного начать. И честно. Быть самими собой. Узнать у твоих соседей его новый номер, если он менял его. После лекций университетских невзначай позвонить и признаться, что ныне знаем: живет Лешик родной рядом. И что все еще в сердцах родной. Наверное, так, — задумчиво и уверенно произносил слово за словом я, в конце небрежно бросив окурочек в ближайшую мусорку.

Мы расстались с Серьгой на неопределенной и неясной ноте: он мрачно ухмыльнулся, на глаза его была натянута тоненькая слезная пленка. Пообещав встретиться в возможное бли-

жайшее время в более приветливом месте, он небрежно развернулся и ушел в неизвестном направлении, безвозвратно растворившись в темноте.

Я остался один. Захотелось выкурить еще сигарету. Я достал из кармана куртки новую, недавно купленную упаковку сигарет, относительно дешевых. На еде я экономить склонен, однако дешевый табак стал для меня чем-то чужаковатым и дурацким. От дешевизны высушенных табачных листьев неприятно кружилась голова, першило в горле, оставался едкий специфический горький привкус во рту, который долгое не ослабевал и добавлял отвратительных нот всякой пище, кроме как разве что классического американо. Я так и не спросил его, откуда у него появилась дорогая марка сигарет. Он же, простите за откровение, неисправимый авантюрист-наркоман, которому составляет непомерных усилий бороться со своими угнетенными жизненными порывами.

К Лешику я попробую все же ненароком зайти. Так сказать, мимо, по дороге домой. Или уже на работу. Впрочем, как бы в душе мне ни хотелось успокоить давние беспокойства детства и попросить прощения за свою глупость школьного возраста перед ним, Лешик меня совсем не интересовал в этот момент. И правда, прошло значительно времени, чтобы у меня получилось достойно справиться со своими теми еще переживаниями и отпустить душившую меня обстановку вины. Меня, скорее, терзали слова Серьги о том, что и я готов сорваться, что и я держусь здесь и сейчас фактически на соплях, окрыленный продырявленными рыхлыми крыльями в надежде вылететь с этой моей черной полосы жизни. Тяжело.

Я сделал глубокую затяжку. Удивительно, это определенным образом помогает собраться. Надолго ли я взял себя в руки? Никогда особо сильно такие мысли меня не посещали, когда меня совсем покинули все. Я еще ни разу серьезно с собой не разговаривал и напрямую у себя не спрашивал, как я себя чувствую. Мне это как будто неинтересно. Однако какая это гнусная неправда. Встаю по утрам с кучей мыслей в голове, одеваюсь, выхожу в свет. Кругом понурые, чем-то доверху забитые люди, погруженные вовсю чем-то своим личным трагичным. Какие-то периодические волны социального взаимодействия со мной. А я такой отстраненный. В голове те же мысли, что и с утра. Все о том же. А о чем именно, мне даже сказать не так просто. Обо всем сразу. О своем жизненном пути, десятилетиями наперед. Я полностью увлекся этой очаровательной стратегией. Этакое шахматы: сколько времени ты только отводишь для того, чтобы оценить возможный ход противника и рассудить о своих действиях в рамках этой игры. С кем я играю? Против меня все. Они и есть мои вечные соперники в шахматах. Только нет у них цели меня победить. Они следуют по инерции закономерностям шахмат: ходят, играют. Только мне нужно что-то из себя представлять на этом поле. Для кого? Для чего? Зачем вообще? Рисковый шаг: играть, ставя в свое вооружение мнимые числа, по своей сути несуществующие. В надежде убедить соперников отдать мне нечто материальное и действительно полезное. И мне необходимо им доказать, что я не полезное прошу отдать мне ввиду неисправности мнимого. А мнимое хотел бы не отдавать и для этого мне отлично помогло бы полезное: сохранить и закрепить на своем почетном месте мнимое.

Мнимое, что у меня мнимого? Мое спокойствие во мне, моя эта странная самоуверенность.

У меня ничего нет. У меня никого нет. Из тех, кто остался, мне им нужно уже в срочном порядке демонстрировать полезное вместо мнимого ради их спасения. Не хотел бы я остаться ведь совершенно один. Хотя, к черту! Я и правда держусь на соплях. Ощущаю себя неважно, странно, подавленно — плохо. То и дело издали кажется, что случайно упаду и не найду повода встать вновь. Рвется во мне что-то, изнурительно ломается, и так хочется позволить этому вырваться наружу. Крикнуть, чтобы все это, подобно блевоте, вышло из меня, очистив тем самым мой организм. Но нет, происходит серьезных масштабов интоксикация моего сознания. И невозможно иногда хочется сломаться. Однако же не ломаюсь. Закрываю на миг глаза, говорю себе: «Вот-вот, потерпи секунд 10, сейчас я сдамся». Открываю глаза: ничего! Тот же

пейзаж, люди вокруг презрительно и мельком замечают меня, выстраивая машинально свое отношение ко мне или вспоминая это отношение. Чего я ждал? Что, как в тех же самых шахматах, соперник сочувственно кивнет, понимая пожим плечами и начнет собирать весь этот интеллектуальный поединок в сжатый вид? Соперник мой не допустит такого исхода. Или серьезно подставляться, очевидно вышагивая к поражению, или честно как-нибудь выиграть.

Невыносимо тяжело. При том, казалось бы, смотрю в небо, на ближайшие дома возле меня, на отсвет уличных фонарей, шероховатость асфальтных дорог, сырую почву — картина, вроде бы, не так мудрена. Даже если походишь внутри этой экспозиции, то не сразу заметишь, что в этом всем что-то все равно не так. Многие вовсе не смогут осознать, в чем загвоздка усложненности всего простецкого? Загвоздка как раз в том. Проводишь невольно параллели с картинами, формально не имеющими место быть, являющимися твоей абстрактной выдумкой, но закономерность развития действий воображаемой картины подозрительно напоминают реальный незамысловатый пейзаж. И суть в том, что вальяжно нарисованная в мнимой картине какая-нибудь страшная рожица правда способна оценить возможные явления, которые в скором времени произойдут на банально очевидной картине. Как в шахматах. Но вся проблема в том, что в процессе анализа воображаемого и реального начинаешь приходить к странному и несколько страшному, грозному умозаключению: мнимое — одно и то же, что и полезное.

Сердце забилося быстрее от этих мыслей и чуть сжалось. Появилось невидимое препятствие, мешающее мне размеренно дышать. Уставший и невероятно сонливый, я выбросил бычок сигареты в мусорное ведро и в определенном темпе пошел домой, наслаждаясь мыслью о том, как блаженно отрублюсь, стоит лишь мне принять горизонтальное положение на постели.

Запись 7

После долгого сидения в одном здании, именуемом моим университетом, я выбрался после какой-то пары, какую уже не так ясно смог вспомнить, покурить. Когда один мой однокурсник, ненароком выйдя в одно время со мной, попросил стрелкнуть сигарету по-братски, неожиданно у меня зазвонил телефон. Беспокоила меня та самая работа, способная спасти мою бренную жизнь. Я как-то небрежно и наспех чуть ли не кинул в лицо ему сигарету и умчал, даже не подумав о том, нужно ли ему, например, зажигалку было одолжить, чтобы непосредственно закурить. В крайнем случае попросит простецкие спички у профессора химии в его лаборантской, если уж прямо-таки ни у кого ничего не найдется. Надеюсь, мой поступок не показался изрядно странным. Несмотря даже на то, что я уже успел составить о себе невольно образ какого-то чудака, мрачноватого, кислого, но еще подающего надежду. Меня опасаются, меня осторожно обходят стороной в то же время, когда какие-то люди заинтересованно изучают меня при разговоре, пытаются договориться о встрече. Но пока не могу. Надо утвердиться с работой.

Звонил мне тот важный человек, который принимал меня в первый раз. Мужчина своим привычным грозным и беспрекословно уверенным голосом позвал прийти сегодня, в несколько иное место. Это уже не был административный их локальный корпус, так сказать. В этот раз мне стоило ехать на какой-то их склад, место для тренировок и обсуждений внутренних дел ответственных за бои без правил, с глазу на глаз с самими участниками этих боев. Это относительно мирское помещение находилось в двух кварталах от того административного корпуса. Идти только придется на 20 минут дольше. Ничего страшного, чего только не сделаешь ради... собственной жизни.

Сейчас ненароком задумался: я позволяю опускать и ограничивать свой кругозор рассуждений в надежде в скором времени его максимально расширить. Как бы так сказать? Когда увлечен тем, чтобы заработать деньги на боях и тем, как бы найти достойную еду, горячий душ себе обеспечить с электричеством и отоплением, совсем не остается сил на какие-то тонкие философские темы. А я как-то так в юношестве в глубине своей души и хотел. Погрузиться в медицину, напряжно работать, со стороны поглядывая на то, как меняюсь я, как я чувствую. И как мой старательный многозадачный труд выводит меня периодически на какой-нибудь поток мыслей. И сейчас получается этакий парадокс. Вновь и вновь. Моя жизнь ныне — один сплошной невозмутимый парадокс.

Без особых запинок, однако, я на сегодня закончил свои занятия в университете, попросив ближайшего, уже другого своего однокурсника сообщить на следующих последних лекциях, что я хотел бы, но не смогу по экстренно важным причинам присутствовать. Вышел на улицу и мигом направился к необходимой, находящейся неподалеку автобусной остановке. Сама дорога не такая изнурительная и утомительная, если в процессе всей этой езды до моей драгоценной работы о чем-то сильно, напряжно думать. Вот я и думал о чем-то. Успело за пару остановок стемнеть. На душе немного легче, когда куда-то еду. То ли такие специфические чувства дает эффект инерции в транспорте, то ли еще что. Я в такие моменты словно нахожусь в межклеточном веществе, плотно находясь, у самой стеночки, но все же вне многих своих живущих проблем. Я расплескиваюсь в мыслях и эмоциях своих при малейших тревожных колебаниях моих проблем, но я все равно не смею с ними тягаться, находясь в этом плывучем состоянии межклеточного вещества. Но мне важно надеяться, чтобы дорога в действительности не была такой неровной, безобразной и волнистой, как все вокруг сейчас в моей голове. В дороге необходимо настраиваться на проблемы: как с ними квитаться, как бороться с ними, все такие дела. Однако так или иначе какая-то банальщина внутри играет. И в полной мере так не судишь о своих проблемах, пока у них не появляется право тебя действительно достать. По-

дурачки все: в проблемах умираешь, а меж ними так рьяно восстанавливаешься. Должно же быть что-то, кроме самой дороги, отчего становится немного проще. Проблемы же формально в этот момент никуда не уходят. Мне нужно к чему-то присмотреться, отказавшись вмиг на время от банального моего. А что банально, собственно, в моих рассуждениях происходит в дороге? Все перемешивается между собой, как пейзаж за окном. Точные впечатлительные суждения касаются лишь отдельных фрагментов, наименее размазанных в этой дороге. И на основе выявленных потихоньку некоторых эпизодов всей картины удастся чуть-чуть понять всю общую экспозицию беспокойства лучше. Находясь совсем рядом с проблемой, так особо не взглянешь на самостоятельные какие-то, выпяченные или скрытые качества этого явления. Пугает форма, размеры, сама тень, которая попросту пожирает твою собственную, подходя к тебе все ближе. Вот и все. В детали не вдаешься. Страшно. Что дальше? Даже если я умру. Если решусь, чтобы меня побили до смерти или убью себя сам, что дальше? Окунаться в темную беспрсветную пустоту? Слушать свои монотонные непрошенные мысли? Ощущение, будто это и есть то состояние, когда тень проблемы съела тебя и ныне бесконечно будет переваривать в своем желудке. Обидно, просто тень! Не хотелось бы так просто сдаться, и все тут.

Я вышел на улицу. Фонари светили хуже, чем в моем районе. На каких-то поворотных улочках по пути я практически на ощупь добирался к залу заседаний. Иссушенная холодом и обесцвеченная зелень потемнела, не отражая никаких цветов от себя. Эта улица, куда я только что завернул, вообще, казалось, поглощала совершенно все поблизости без права отразиться. И теперь я был особенной заблудшей частичкой, скользко и неприметно пролетающей через подобные «черные дыры». Показалась пара-тройка зданий, на которых я кое-как, приложив усилия, разглядел номер нужного мне дома. Как обычно и принято у подпольных организаций — вход в подвал. Звоню в домофон. Некоторое количество секунд раздавались своеобразные такие гудки, затем резкие грубые непонятные звуки каких-то помех, после уже знакомый мне суровый голос.

— Кто?

— Женя Кузнецов.

— Шустрый малый, — услышал я вновь через домофон, даже не видя его, как он издевательски и одновременно с тем как-то печально усмехнулся.

Дверь отворилась, оставив за собой мизерную щелку. Подул теплый воздух. Уже не спускаясь, я почувствовал едкий запах пота, комнатной пыли и металлических оружий. Так пахли какие-нибудь ножи, топоры, кувалды, прочие такие металлические тяжеленные и старенькие боевые средства.

Все-таки спустился. Ступеньки то и дело норовили с краю крошиться. Плитка на полу выглядела дешевой. Где-то спокойно и скромно отлепился цемент, и пара плиток из-за того неуклюже шатались. Стены неинтересные, бледносерые, с бытовыми пятнами. В некоторых местах я увидел и запекшуюся чью-то старую кровь. В помещении ощущалось тепло. Свет бил капризно в глаза, ослеплял меня своей мощностью. Однако это являлось особенностью перебойной: где-то сильно ярко, а где-то и тускло. Пройдя недолго по широким пыльным скучным коридорам, я вышел в достаточно просторный зал, условно разделенный на специализированные зоны, где мужчины разного возраста, телосложения и прочих оригинальных повадок по-своему тренировались то вместе, то в гордом одиночестве. Сразу в глаза бросились мощные кондиционеры, прикрепленные по углам сверху в помещении. Сильные, на вид казавшиеся новыми, чистенькие такие батареи у самого входа. В дальних углах зала построены небольшие стенки, более строго разделявшие определенную пропорцию пространства здесь. Левее виднелись деревянные поношенные, с подгнившими царпинами двери, вероятно, ведущие в санузлы или в душевые. Не поверю, что после тщательных тренировок никто не идет мыться. Не предусмотрено по стандартам. Однако я не мог полноценно оценить в тот момент, как именно устроен быт неформально нелегальной жизни в городе. Не мог, потому что только-

только начал обрисовывать картину. Пока занят был лишь общими очертаниями и горизонтом всего пейзажа.

Хаотично располагаясь в данном помещении, разбившись по двое или по трое, мужики, разной степени державшие себя в физической форме, тренировали какие-то определенные боевые приемы друг на друге. Создавалась интересная градация, у которой наверняка имелась какая-то продуманная закономерность: низкие с высокими отрабатывали одни приемы, щупленький с плотным таким, коренастым практиковали что-то иное, а равные соперники вели совсем другую тренировку. Когда я вошел, многие вокруг в основном бегло кинули на меня взгляд, выразив непродолжительную обеспокоенность по этому поводу. Хотя издали невзначай было ясно, что их пот, смешанный несколько с кровью, сочившейся из их царапин, каких-то прочих порезов на теле, волновали их пока больше, чем какой-то нежный дрыщ, впервые прибывший. Не сводил взгляд только один, достаточно строгий на вид, крепкий и внушительной ауры мужчина, стоявший в отдалении вообще от всей подвальной жизни. Он стоял у стены, облокотившись небрежно о железный чей-то шкафчик, скрестив властно руки на груди. Рядом с ним бродил человек менее изысканный и требовательный, судя по их внешнему образу, зорко наблюдавший как раз за всей жизнедеятельностью зала.

Наконец, когда я встретился с этим высоким, гордым человеком взглядом, спустя несколько сильных и тягостных секунд он рукой мне показал подойти к нему. Особо не мешкая, я рванул практически через все место действия, грузно топая и хмуро размахивая непроизвольно руками. Глаза его даже с некоторого расстояния показались мне неоднородными, насыщенными чем-то многозадачным, многогранным. Блики в глазах отсвечивали какой-то беспросветной скорбью, которая сразу же менялась жесткой, чуть ли не армейски дисциплинированной надменностью, безжалостностью. Подойдя чуть ближе, я смог лучше разглядеть его лицо: худое, ухоженное, бледное, угловатое и острое. Борода его ярко дополняла общий образ командующего, а тонкие черты лица, маленькие, словно талантливым мастером тщательно сконструированные уши говорили каким-то образом о беспрекословности его решений, который тот может только принять.

— Евгений Кузнецов, значит, — задумчиво и растянуто произнес он, оценивая меня рассматривая.

— Как видите, — спокойно и, казалось, безынтересно ответил я.

— Новенький в наших рядах. Как тебя сюда занесло? Обратная дорога если и будет у тебя после такого, то с большими жертвами. Ты об этом успел подумать, парень? — беспокойно и словно бы заботливо, но с неизменной отточенной небрежностью, мужчина продолжал меня спрашивать.

— Мне терять нечего, разве что себя. Я бы потерял себя сильнее, если бы не решился сюда прийти и начать в этом участвовать. Сейчас я если что и теряю, то значительно меньше, чем от своего бездействия, — сурово насупись я.

— Остался один, несчастный юнец, — философски растянул мужчина, уставившись куда-то далеко в находившуюся точку пространства, немного смягчившись в лице.

— Меня зовут Даниил Алексеевич. Так зови, если случайно встретишь меня вне своей работы и при посторонних лицах, к которым не должна просачиваться никакая информация относительно нашей внутренней кухни. За любую утечку данных здесь у нас карают жестоко, довольно жестоко. При своих можешь звать меня Лексий. Я отвечаю за бои без правил в центральных районах города. Я — твой босс, начальник и вообще любой, кто мог бы занимать ответственные должности. Если я захочу сходить к тебе в гости и попить чаю на кухне, желательно тебе мне открыть. Рассказывать мне, где ты живешь, не представляет конкретной пользы — мне мои люди уже к тому моменту доложили надежную информацию. На звонки отвечать. График твоей работы непостоянный, как и доход с ваших безобразных драк. В твоих

интересах выкладываться на полную. В моих же интересах тебе такую возможность обеспечить. Будем знакомы, Женья.

Лексий мне любезно протянул руку в знак уважения, даже немного успокоившись во взгляде. Чувствуя в своей голове только лишь монотонные постукивания размеренной пустоты, я многое машинально принял к сведению, на самом деле долго все еще обрабатывая все новые грядущие перемены в моей жизни, и уверенно пожал ему руку: теплую, сухую, с неровной кожей, исчерченную увлеченно рубцами в области предплечья.

Затем мне провели своеобразный такой инструктаж. Провели по основным локациям этого подвала. По своей сути в центре города существует еще несколько похожих подвальных помещений, по-разному маскирующихся под то или иное непримечательное, безобидное предприятие. Именно этот минус первый этаж считается головным мозгом всей «торговой сети», так как здесь сконцентрированы все данные, которые оперативно используют ответственные лица в своих кабинетиках, кое-как под себя состроенных. Периодически мне будет звонить Лексий узнавать как у меня дела и сообщать по необходимости более значительные подробности о моей новой работе. Сражаться я должен в заданных координатах мест, зачастую отдаленных от общественных любопытных глаз. Опоздание карается увольнением или более жестоким решением руководства. Приходить тренироваться я могу в любой из подвальных локаций, меня примут, так как теперь я внесен в общую базу данных работников этой всей организации. Походив по комнатам, мне в скором времени любезно и радушно вручили базовый комплект среднестатистического ножа: что-нибудь для самоподготовки, самозащиты, самодисциплины. Из приметного мне дали фирменный ножичек, красиво отдающий матовым отблеском, совсем невзрачный и удобный в использовании, также кастеты: простенькие, не совсем под мою форму кисти, но вполне пойдут. В каждом подвале ничего особенного конкретного не находится (если исключить главнейший из подвалов): общая пустынная зона, душевые, санузел, самые дешевые места для ночлега, потому как многие из тех, кому приходится участвовать в боях без правил, живут даже где-то хуже меня. Не обойтись еще без кухни, кстати говоря. Поговорив со мной в процессе ознакомительной беседы о насущном, Лексий словно бы проникся моей какой-то проблемой и тихо мне прибавил к первому взносу. Таких больших денег до сих пор у меня пока не было. В этой конторе принято изначально поощрять за первый бой, который еще будет, чтобы привлекать большее количество потенциальных бойцов, чтобы в дальнейшем выявить более живучих, стойких и в целом талантливых, чем-то цепляющих платежеспособных зрителей. Поговорили насчет возможного увольнения, о котором я мог бы задуматься лет через пять, если доживу. Обычно всегда с подобным вопросом здесь возникают различного рода затруднения, однако, если я смогу зарекомендовать себя и сумею впечатлить чем-то искренне Лексия, то в зависимости от степени и желания его помощи мне все проходит гладко. Свою необычную сторону жизни обязательно необходимо скрывать от посторонних ушей, глаз и чего похожего. За глупую или, напротив, сознательную попытку проговориться я могу и лишиться жизни. Как решат высшие из высших в администрации по вопросам проведения нелегальных боев. Однако от каких-нибудь свихнувшихся сталкеров или чрезмерно любопытных дураков защититься определенным образом можно. Если таковые случайно попадают внутрь «кухни», то есть в сам подвал переговоров, то перед ними лихо и быстро разворачивается картина безвкусного и неинтересного спортзала для старых, скисших от своих кризисных дней мужланов-бодибилдеров. Чаще всего после попадания в самый эпицентр некрасивой работы, прикрытой целлофановой миловидной оберткой, такие успокаиваются и более не лезут. Важная особенность: у каждого работника и должностного лица здесь имеется свое настоящее имя и прозвище. Истинное имя используется вне работы, в случайных неловких моментах, связанных со своим неофициальным досугом. И входить в «офис» нужно, только называя сначала свои настоящие имя и фамилию. Все делается исключительно в предохранительных и страховых целях. Прозвище же каждый обязан придумать и озвучить по той

причине, чтобы условный случайный зритель или человек, далекий от всяких кровавых увлечений, имел возможность разделять образ Евгения Кузнецова и какого-то там юношу с разбитой рожей.

Правила я не до конца осознал в своей голове. Какие-то условности показались мне дурацкими и излишне раздутыми, хотя я и совсем не осведомлен в том, как в действительности все может в жизни происходить и как такие тонкости образа жизни способны спасти человека. Кличку своеобразную я себе придумал. Дурацкую, странную, не особо мелодичную, но все-таки. «Кузник» созвучно со словом «узник», и вы вряд ли ошибетесь. Наверное, это мое некоторое сокращение: «Кузнецов — узник». Именно так я себя описал одним словом, когда вошел в это болото, набухшее от отчаяния, размытой грязи, пустоты и тяжелого смога в воздухе. И я как-то раз ненароком после смерти моих родителей и почти смерти моего шанса на разумную жизнь теперь стал узником угасающего шанса. Ныне я вовлечен полностью не в сам шанс, а в возможность этому шансу не угаснуть насовсем. Как странно...

С Лексием мы попрощались на доброй ноте. С мужиками мы лишь вежливо поздоровались, но никто категорически не хотел развивать пока возможный разговор далее. Может, устали, может, еще чего. Или уже у большинства мозги отшибло, что не до бесед с новенькими, настолько отдаленными пока от их жизни. Да и я как-то пришел к мысли, что нет пока что у меня повода с ними всеми знакомиться. Вероятно, как-нибудь на досуге, в другой раз. Когда нужно будет — то да. В данный момент мне бы желательно все в голове своей освоить. И морально подготовиться к поэтапной смене вектора моего образа жизни на несколько более ожесточенный, суровый, холодный и всему подобные вещи. Договорился с начальством, что в ближайшем времени они мне позвонят насчет моего первого выхода. Сейчас же мне нужно одновременно немного расслабиться, привести себя хотя бы в какую-то достойную физическую форму. И учиться, дальше познавать азы медицины, как смогу.

Ехал я домой какой-то смутный и словно бы невзрачный сам для себя. Различные предметы безграничных форм оглушали меня, свет фонарей больно тушил мою способность что-либо основательно разглядывать. Внутри странно.

Я шел до дома молча, даже с самим собой практически не разговаривал. Никакие комментарии не лезли в голову. Точнее, лезли они всегда, но именно сегодня и конкретно сейчас все вмиг обесценилось. Глупо, невероятно странно. Я нахожусь в беспросветной фрустрации, которая так и норовит вырастить на мне дерево сомнительной червоточины, разъедавшей бы меня своими корнями. Какие муки души мне предстоит испытать? Это будет примерно похоже на то, как я испытываю ныне, или это произойдет немного по-другому? А должен ли я? За что я расплачиваюсь? Ради чего? Стоит ли в самом деле моя жизнь непредвиденных гонений, избиений и невиданных пыток жизни. Странно об этом думать. Легкая мнимая минута сладкой свободы, при деньгах и относительной независимости, самодостаточности. Все же это скоро кончится. Словно вставать к первой паре: просыпаешься по будильнику, но специально ставишь будильник вновь на пять минут в надежде на мимолетный оттенок лучше отоспаться сравнительно общего недосыпа. Победоносно кладешь голову на подушку, закрываешь глаза и сладостно ощущаешь, как слипаются твои веки в предвкушении столь желанного состояния. Но в мыслях же ясно представляешь: пять минут — совсем скоро это кончится. Нужно вставать и достойно встречать новый день. По инерции и внезапно, но временному заряду бодрости забываешь про утренний свой переполох, однако это не отменяет существование подобной идеи: выходные не вечны. И мой вопрос сегодня заключался в том, смогу ли я перестроиться на новые свои будние дни? Не будет ли мне стоить это моей простецкой человечности в конце концов? Не станет ли моя инерция посреди моей новой работы размывать очертания моего первоначального повода идти в своеобразный криминал, бороться за свою жизнь? За что я буду бороться, если способен буквально выбить эту цель из своей головы? Способен ли?

Много неудобных, склизких и неприятных вопросов так и сочились из моей головы. Это выматывало сильнее каких-либо интеллектуальных дебатов или прочих приключений Лешика, которые мне порой необходимо разгрести во имя его спасения. Ничто мне не помогало. Вечерний моцион до своей квартиры прошел для меня незаметно, в некоторой степени агрессивно и очень тревожно. Войдя в прихожую, я утонул в темноте своей квартиры. Я не сразу потянулся за переключателем. В какие-то неясные мизерные секунды в темноте мне показалось чье-то очертание, чья-то зоркая и заботливая тень. Ощущениями напоминало мою мать. Я на миг впал в чудесное самозабвение, уверив ненароком себя в том, что я не так одинок, как мне думалось раньше. Все же образ стал достаточно быстро испаряться передо мной, превращаться в недостижимый воздух, пустоту. Я включил свет, кинул сумку на ближайший стул. Разуваться не стал. Зашел в ванную помыть руки с мылом, никогда не любил это обнадеживающее и навязчивое состояние грязных рук. Когда хотел дотянуться до полотенца, случайно взглянул на себя в зеркале. Меня настиг кратковременный ужас, за которым последовала мощная волна неопределенных, смешанных, но очень давивших на меня эмоций. Моя кожа была бледной, но в некоторых местах, наоборот, особо румяной. Скулы едва заметно, но впали. Волосы унизительно лоснились на свету, будто от какой-нибудь тяжелой физической работы или от заболевания, вызывающего повышенную потливость. В зеркале наблюдалось, как слегка дрожали мои руки. На шее виднелись следы от каких-то гематом. Странно. Глаза раздраженные, мученические. Кто я такой? Евгений Кузнецов. Едва ли я увлекался зависимостями, вдавался по глупости в тонкости нелегального образа жизни. Наивный домашний и нежный мальчик, который со своей неоднозначной, но «детской» колокольни смотрел на проблемы других хоть и с особенной долей эмпатии и сострадания к ним, однако все-таки приятный осадок на душе был, иногда меня беспокоивший: уверенность в том, что присутствовало неоспоримое разграничение — проблемы их никогда не станут как-либо пересекаться с проблемами моими. Дурак! Что же я вижу?

Узник. Мученик. В некоторых там возвышенных рассказах люди величественно и гордо страдали целыми днями — ради кого-то, ради чего-то. Что насчет меня? Неясно, как долго терпеть. Непонятно, для чего все мне это нужно в действительности. В крайнем случае мог бы себя унижить и просить по-уродски денег на улице. Попробовал бы стать глупее и податься в шоу-бизнес, продав свою принципиальность и моральность коммерции. Черт возьми, ушел бы в монастырь и ел бы до конца своей жизни свой честно отработанный кусок хлеба, по расписаниям устраивая молитвы. Что же меня привело именно к принятию этого решения? Отчего бои без правил? Меня настолько убивает мысль о добровольной ограниченности. Запереть себя в стенах монастыря, в строгих коммерческих правилах, в повиновении моему условному продюсеру, что я готов рисковать, ломать себе ребра, лишь бы отыграть хотя бы на время шанс жить свободно.

Мама, слышишь ли ты меня сейчас? Может быть, смотря в зеркало, я ненароком замечал тогда твое незримое присутствие рядом со мной. Быть может, где-нибудь за тобой и отец. Если ему интересно, как я тут барахтаюсь, подобно жалкой рыбке в пустыне Сахара: задыхаюсь, жарюсь и парюсь. Мама, можешь ли ты видеть меня? Видишь ли ты мои шрамы на моем теле, которые даже мне временами трудно самому рассмотреть. Можешь ли ты видеть каким-нибудь удивительным рентгеновским зрением и заметить неимоверное истощение моего организма: мышцы, кости, нервы — все словно бы превращается в однородную массу, чем-то напоминающий отдаленными ассоциациями плавившийся кусок жира.

Мама, слышишь ли ты меня, хотя я все ничего вслух не говорил? Можешь ли читать мои мысли, если они были адресованы именно тебе? Так Расскажи мне: легко ли тебе было умирать? Легко ли было оставлять меня одного? Легко ли тебе чувствовать себя беспомощной и бесполезной, неспособной теперь ни коим образом оказать мне помощь. Легко ли тебе наблюдать в самых крошечных, явственных деталях и уметь лишь просто наблюдать? Скажи,

мама, скажи и ты, отец, хватает ли у вас мужества и храбрости смотреть на это, наблюдать за мной вот так? Или вы правда отворачиваетесь, даже сейчас, лишь бы не смотреть на свою нелепую, бестолковую кончину?..

Слышите ли вы меня, видите ли вы, дорогие родители, любимые родители, единственные в моей жизни родители, вы не слышите, как я плачу. Слезы, как жгучая кислота, растворяют весь мой организм, превращая изнутри его в безобразный сгусток соединительной ткани.

Вы так легко ушли! Думаете, мне будет легко бороться? Или вы мне все то же предлагаете, точно также, просто и чудно уйти из своей жизни?

Что-то во мне в этот момент переключилось, предметы вокруг стали невероятно точными, оформленными, а отражение в зеркале исказилось до какой-то абстракции. В голове гудели гневно мысли, я поднял непроизвольно брови максимально высоко, что даже заболели мышцы моего лица. Я разнес мелкие невинные вещи в ванной, жестоко бросая их то в саму ванну, то в дальний угол комнаты, то еще куда-нибудь, где потемнее.

Глаза потяжелели. Хотелось плакать, но, такое ощущение, необычная жгучая кислота настолько была ядовита и сильна, что растворила в себе сами слезные железы. Плакать нечем. Лишь только желанием пролить мученические мои слезы, лишь только смутными ожиданиями этого состояния.

Шатаясь из стороны в сторону, я перемещался бесцельно, хаотично в темноте своей квартиры. Если ненароком получалось наступить на какую-нибудь вещь или задеть предмет посерьезнее, я стремился яростно убрать все со своего непризнанного, неясного маршрута. Звук вокруг периодически качественно изменялся: со звонких — на какие-то глухие. Эти звук вызывали раздражение, вводили меня в разочарование. Когда меня откровенно бросало из стороны в сторону, когда я наливался финальными литрами гнева, обиды, отчаяния, то внезапно едва ли разглядел какой-то человеческий силуэт в темноте.

Очертания отдаленно напоминали меня, но определить с решительностью оказалось не так легко: так все виделось размытым. Ярko чувствовалось то, что мне никогда не быть с этим силуэтом в одном мире. Я словно бы смотрел на экран телевизора и весомо признавался себе: здесь жизнь, а там телевизор. Образ во тьме талантливо изображал меня, только намного более свободного, ничем не обремененного и самодостаточного. Он стоял, вытянув спину, мечтательно смотря явно куда-то вверх, расставив ноги пошире, а руки отправив в свободный ход, банально их в то же время опустив. Вдруг рука его поднялась высоко-высоко вверх, как могла, и ладонь расправилась.

Однако зачем ему было куда-то тянуться? Все при нем, этой персоне хорошо и самому с собой. К чему эти стремления? Куда они поведут, за какой конкретной целью?

Ужасно закружилась голова, стали пульсировать сосуды в ушах, в глазах блеснуло пятнами. Невзначай хотелось упасть в обморок, потерять сознание: я только что испытал некоторый апогей своей слабости и незащитности перед чем-то, более внушительным своим смыслом, своей моралью и своей философией. Занятно полагать, но подобная мистика и странный монолог в ванной успокоили меня. Или, быть может, я просто полностью израсходовал энергию, произведенную моей черной дырой уныния и мрака. Все вполне имело основания быть существенной причиной, хотя на суть следствия влияло слабо: я принял самое здоровое решение за последний час, включив поблизости настольную лампу (как-то по очертаниям, наощупь добрался до нее) и присев осторожно на диван. Захотелось спать, безумно захотелось перекусить. Однако я не стал пока следовать ни одному своему физиологическому требованию: достал пачку сигарет из кармана рубашки и закурил, размышляя о своей тягостной ноше, стараясь подходить к этим всем мыслям философски. Меж мыслей беспрестанно крутилась еще одна, какая-то более бесформенная и безобразная, однако прочно засевшая во мне в тот самый момент: я покрыт затвердевшей непрозрачной коркой. Об эту корку разбивается множество трагичных мне моментов, на куски разрывается интерес к жизни. Корка самая прочная,

что я мог бы для себя уяснить. Но под этой коркой душно, тесно. Ассоциацией пробегаются строчки из тех старых неповторимых песен Рианны «It's too close for comfort». Сейчас я как никогда пропускал через себя эти слова. Пожалуй, это одно из редчайших явлений, способных еще преодолевать этот толстенный слой корки вокруг меня.

А внутри бьется ребенок. Одиноким, невинным, нежный и очень ранимый ребенок. И все же, каждый удар по мне, от которого меня формально прекрасно защищает эта корочка неясного вещества, интересным образом отражается на этом чувствительном и слабом дитя. Словно трек элементарных частиц, особенность каждого жестокого удара, траекторию и наклонность причиненного вреда возможно было так или иначе отмечать себе, методом тыка оценивать шкалу собственных болезненных переживаний. И все эти наблюдательные мои диалоги с собой точно так же ведутся где-то под коркой, посему все душевное мое мне ощущается сквозь непроглядную пелену чего-то густого, вязкого, липнущего ко всему подряд. Тяжело. Таскать эту корку на себе тяжело: как бы несешь тяжеленный металлический доспех рыцарский. Где же я рыцарь? С какой целью мне необходимо изгаляться организмом, так выворачивать себя? Все та же непосредственно простая по пересказу ситуация: никого нет рядом, и мне восемнадцать. Хотелось бы немного пожить. Скажите, для этого действительно нужно сражаться согласно условным рыцарским канонам? Я был в состоянии ответа. Возможно, я отвечал где-то там внутри. И ребенок бился, и ребенок с надрывом кричал, он плакал из последних сил, что вот-вот кончатся уже с момента его рождения. Только я едва ли слышал: корка на мне весьма многое приглушила.

Быть может, присутствует в этом определенная польза? А что, собственно, этому ребенку? Неужто всерьез собирается плакать до конца жизни? Устанет же. Устанет просто-напросто топтаться в одном месте. Вы ведь посудите сами, как долго нужно в голове держать в довольно остром и ранящем виде все эти идеи, мысли, ощущения. Я не переношу этого стояния на месте. Другой вопрос: может ли быть все настолько плохо, что этот ребенок внутри меня будет плакать бесконечно?

Нет, скорее. Наверное, нет. Надеюсь, что нет. Занятное состояние в этой темноте, в собственной, слегка сыроватой и прохладной квартире, с тяжелыми облачками табака в помещении. Где-то царапнуло, жутко засадило. И на корке теперь длинная ссадина в самой груди — я это чувствую, даже машинально могу сейчас область болезненности определить. И ребенок теперь получает от жизни удары несколько более жестокие и свирепые, однако и угол обзора на все эти наносимые боевые действия как-то шире.

Сидел я в полнейшей темноте, но в голове у себя разговаривал достаточно громко, чтобы не сходить с ума от давившей тишины в своей комнате. Когда же я напрямую подумал о громкости самоанализа и о том, как разразился мой внутренний ораторский голос, резко прислушался в тишине и неожиданно для себя понял, что ничего тревожного или опасного рядом не находилось. То ли у табака такие чересчур успокаивающие свойства, то ли мой ребенок внутри стал более взрослым, как мог в рамках его законов взросления.

Наверное, все дети в какой-то момент перестают плакать, когда ни отца, ни матери перед глазами, хотя бы в воображении на знакомых местах не видеть. Ушли, как знать. Вероятно, осознав для себя, в своей их нынешней форме восприятия человеческого, что не самый подходящий момент трепать мне нервы. И, прежде всего, наверное, я сам так для себя решил сравнительно недавно. Прислушался к тишине, ничего стоившего из себя не представлявшей, позволил адаптироваться своим глазами к ночной картине. Все также больно, невыносимо, но ребенок внутри сумел определенным образом устроиться под этой коркой — ныне стало чуть более ясно, как рассматривать через нее окружающий мир с целью не упускать многие чувства и идеи во мне.

В такой тишине стало как-то слегка стыдно и ужасно неловко: чувствовал себя последним дураком, распоясавшимся на ровном месте, раздув из связывавшей меня усталости и

образных галлюцинациях какую-то основательную и конкретную проблему. Как будто бы, реши я ее, счет за электричество и воду, цены в продуктовых снизятся до приемлемого уровня. Ха! Смех и только. Покурив в гордом одиночестве со своими размышлениями, целеустремленно и неспешно куда-то ведшими, успокоившись достаточно, я небрежно затушил последний окурок об пол, бросив его в ближайшую непримечательную, мизерную кучку пепла с чинариками. Заснуть получилось далеко не сразу: дергали и выдирали из размякшего состояния все те же рассуждения, о жизни, о своих чувствах в грядущем будущем, о резких переменах в жизни, о внезапных потерях прошлого. Долго думал о том, что же мне предстоит почувствовать, прожить. Пытался яростно предвосхитить эти моральные состояния, чтобы похитрому, отстрадав заранее, выстрадать затем меньше. Однако все уносило с каждым часом в более абстрактные и оттого менее терзающие темы. Наконец, я ощутил, как проваливаюсь глубоко-глубоко в сон. Я ненароком позабыл, как это приятно чувствовать приходящий сон. Особенно в такие тяжелые времена...

Запись 8

Легкая щетина начала мне нравиться. Единственное, несколько возмущает и злит — никогда не получается симметрично побриться. Мало того, несимметрично растет моя щетина. Простите за подробности, но с какой стати левая моя щека зарастает почти в полтора раза чаще правой? Однако это добавляет определенного шарма в мой образ. Волосы стали в разы более кудрявыми, даже интереснее стало выходить на улицу, не делая себе хвост. Меняюсь на глазах, восхитительно! Денег хватило на оплату горячей воды и электричества в следующем месяце. Стою под горячими струями воды чуть ли не час, однако каждый раз корю себя за такие расточительные и опрометчивые выходки с моей стороны. Пока жизнь моя не устаканится до определенного приемлемого состояния, разумно экономнее тратить то, что заработано сейчас. Хотя, как сказать? Прямо-таки заработано, уверен ли я? Пока звонков не поступало, Лексий не писал и не навещал в течение трех-четырех дней. Нет, понять этого сурового добряка тоже можно: должно пройти время на разрешение этой всей бухгалтерской задачи вписать меня в необходимую базу данных, попытаться понять, где и в каких боях я был бы уместен, в каких условиях срубил бы больше денег своим работодателям. Все это я радушно, скромно, так сказать, понимал, потому просто существовал и покорно ждал.

Университет эти последние дни заиграл новыми, гораздо более насыщенными и желанными красками. Я словно бы проживал свои последние дни рассудительной обыкновенной жизни. И дальше у меня вряд ли представится возможность так глубоко погрузиться в тот материал, который очень старательно пытались разъяснить моей группе профессора. Мне странно понимать, что именно в таких условиях я как-бы схитрил и рывком поднялся на уровень самого профессора, с высоты и легкостью восприятия принимая даваемый научный материал. Я успешно приходил к необходимым выводам тех или иных задач, заявлял профессорам об интересных научных мыслях, которые мне обещали в дальнейшем разобрать. Я искренне интересовался наукой и в принципе своей студенческой жизнью эти дни. Даже математический анализ у меня пошел: с горем пополам я чувствовал все лучше все эти представленные закономерности математики. Однако это, пожалуй, даже несколько испортило мои и без того сложные отношения с профессором матанализа: ныне он стал пускать слухи в своем обществе преподавателей, что я пустозвон, лгун и веселый выдумщик. Пользуюсь надуманным положением, чтобы мне же было легче учиться, нежели моим одноклассникам.

Какой же он противный и вредный! Я бы с удовольствием взял его за шиворот и опустил в самую свежую почву могил моих родителей. Чтобы он ощутил на себе влажность этой земли, чтобы прочувствовал скорбь среди этого чертового гумусового горизонта. Я бы бросался в него свидетельствами о смерти, а он бы, любезный Исаак Робертович, стыдливо молчал и гнусно, трусливо оправдывал свое скотское напыщенное самомнение. Все же тяжело. Когда об этом думаю, я же в самом деле в своих мыслях срываю на Исааке Робертовиче всю свою злость и обиду. Человек говорит сущую чушь! Бред сивой кобылы. На каком основании он решил, что мне же не должны делать поблажек? Подождите, но почему я решил, что мне вообще кто-то и что-то должен за мое положение? Пожалуй, прозвучит жестоко, но проблемы же, если быть честным, сугубо мои личные. И те же мои проблемы, что я решил учиться на медика. Шесть лет жизни. С сессиями и дипломом в конце. Не можешь? — Отчисляйся, выживай как-нибудь по-другому. И вот тебе замкнутый круг, все равно направленный на какое-то саморазрушение. Так и недалеко на иглу подсесть Серьги! Дурак, в шутку предложит поделиться, а я, бесхарактерный пень, соглашусь еще. И как еще только Лешик выбрался из своего горя? Почему же вернулся снова сюда? Черная дырища без шанса словить дзен, без перспектив постигнуть понятие позитива.

Думаю об этом всем и сил все больше не остается в душе. Легче не думать. Причем, должен заметить, сейчас самое располагающая для того обстановка: в самом деле ничего чрезмерно сногшибательного и сумасшедшего не происходит. Возможно отвлечься.

Между пар проходил мимо одного невнятного блеклого закутка в универе. Там столпилась женская компания, смешанные факультеты — кто откуда. Собирались выйти всей своей покурить, ждали еще пару подружек, пару которых один чудной старичок задерживал с потрясающим чувством собственной важности — основы гистологии. Пока ждали, перемывали кости всем возможным девчонкам с разных факультетов. Когда дошли до Саши, которая мне все не переставала безмерно нравиться, я принял решение бесшумно приземлиться на столь же хилую маленькую лавочку за углом, типа для остальных проходивших мимо делая вид, что я очень увлечен тем, чтобы правильно и с должной силой завязать шнурки на кедах.

— Девочки, кто-нибудь заходил недавно в туалет? — спросила с подозрением одна из студенток.

— Ага, пришлось зайти в кабинку, соседнюю с этой Ястребцевой, — дерзко и надменно высказала другая.

— Но что вы к Саше прикопались? Она, конечно, странная, но, — третья студентка в компании встряхнула несогласно головой, — в общем, я не понимаю, почему последнее время вокруг нее такой ажиотаж.

— Нелюдима она какая-то, — задумчиво произнесла еще какая-то участница разговора.

— Да грубая и нахальная она такая из-за своего стыда и вины, которые в ней копятся и разъедают ее с невероятной силой. А так ей и надо. Ведет беспорядочную половую жизнь. Безрассудных поступков у нее завались. Дура дурой, как ее еще сюда приняли. Каким медиком она обещает быть с такой репутацией? Блядь, и только, — небрежно и с каким-то омерзением в голосе проговорила одна из студенток.

— Как вы вообще пришли к такому умозаключению? Ваши парни попадались на ее уловки? Или как?

— Да чего тут думать?! — воскликнула с выражением одна из собеседниц. — Всего лишь от вас требуется на нее чуть более внимательно взглянуть: если в юбке приходит, ближе к причинному месту непонятные царапины. В туалете старается ни с кем не пересекаться. Если зайдет в кабинку, долго-долго там сидит. Некоторым казалось, словно она мучительно лечит в тайне от всех свои венерические заболевания. Кто знает, возможно так ей важно провести в дневное время свое процедуру — от гноя избавиться. На груди синяки, те же царапины. Господи, никого не смущает, что она иногда садится на лекциях так, будто там у нее пожар болезненный в причинном месте?

— А ты не слишком придумываешь себе? Шлюхам важно быть все же раскрепощенными. Она с таким замкнутым характером никуда-то не годится. Особая, элитная, быть может, категория там у них. Я же не проститня, я не знаю, —противно продолжала мямлить эта дама.

— Может, изнасиловали пару раз. Или дома с ней обращаются по-скотски. Вы сами, девочки, отвратительные, — в самом конце сплетен рассудила еще одна студентка.

— Были бы сплетни... Мы же между собой, близким женским коллективом! — самая разговорчивая и посредственная студентка, самоуверенно проговорив эту фразу, мельком оглянувшись, в конце заметив меня, очень долго и лениво копошившегося со своими шнурками. — Но, впрочем, девочки, когда уже курить?

Я услышал в ее голосе первые, неожиданные мне, ноты неловкости и стыдливости. Когда женская компания собралась и решительно направилась наружу, эта самая студентка растерянно и задумчиво кинула вскользь на меня взгляд, как бы оценивая, подслушивал ли я или действительно был весьма увлечен своими неизворотливыми шнурками. Вероятно, это останется для нее актуальным и вполне беспокойным, терзающим вопросом на ближайшие недели. Может быть, она забудет обо мне быстрее, чем я мог бы предположить. Когда все ушли, я смог

спокойно и без прикрас ловко зашнуровать свою обувь. Вскоре я вышел и сам на перекур, умело обойдя все возможные студенческие компании, каждая из которых обязательно что-нибудь свое весело и заинтересованно обсуждала. Ни в одной из этих компаний не было Саши. Мне было максимально тошно выслушивать, вникать в эти речи. В самом деле, весьма рискованно, глупо и нецелесообразно бросаться такими самонадеянными и откровенно низкими выводами о человеке. Саша — и чтобы проститутка? Никогда! Моя любовь не позволяет ни в коем разе исказить тот образ моей Саши, которая не переставала меня впечатлять своим сложным характером. Не могу оспорить заявления той студентки насчет того, откуда и почему у Саши царапины не в самых открытых, больше интимных местах. Но, вполне возможно, у нее правда какие-то запущенные и запутанные проблемы с каким-нибудь бывшим парнем, который не может оставить все ее в покое... Господи, это же серьезно похоже на изнасилование.

Как бы мне хотелось всем своим шуплым, никуда не годным телом защитить Сашу. Как бы я хотел облегчить ей ношу ее чувств, пытаюсь справиться с ее переживаниями сам в своем сердце.

Пока я шел, вдруг остановился и сунул пальцы под ребра. Я стремился разворошить свои межреберные мышцы, как-то невзначай подобравшись к сердцу. Разумеется, практически не получилось — совсем не получилось.

Однако на каком-то этапе мне стало очень больно. Я размышлял дальше: защитить Сашу — это значит, что я должен испытать боль, в сто, а то и в тысячу раз более острую, чем только что испытал я? Смог бы я? Да, вероятно, может быть. Готов ли я? Нет, к этому уж точно нет. Но от этого мое решение суметь сделать что-то для Саши значительное, ценное, важное для нее только становилось отчетливее и сильнее. Я прошу любые ее колкости в мою сторону, любую ее агрессию, любой стон и крик души, основанный на обиде или на отчаянии. Мне бы хотелось для начала лучше ее узнать и понять. Когда я шагал по улицам и, зарывшись ненадолго в себе, об этом всем рассуждал, ненароком подумал, как изменился ветер, который очень старательно дул мне в лицо: он стал холоднее, колючее. Так, что захватывало дыхание, что вся шея на ощупь была ледяной. Странно, но от этого мне становилось чуточку приятнее. Пожалуй, такими бывают ветры перемен?

Запись 9

Сегодня утром они мне позвонили. Я сразу узнал голос Лексия на другом конце провода. Он начал издали, задавая осторожно разные вопросы о моем самочувствии, студенческой жизни, досуге. Я не понимал, откуда до сих пор сохраняется столько эмпатии у Даниила Алексеевича (если только это не есть самая что ни на есть показушная черта его личности), причем где-то явно устремленной в мою сторону. Лексий бы с радостью на неделе зашел ко мне лично в гости, однако сейчас у него слишком забитый режим жизни — что с боями, что и в невинной, непокорной повседневности. Потому он вынужден сообщить, что сегодня ночью мой первый бой без правил. Мне важно подготовить себя: помимо, очевидно, какой-то холостяцкой и неуклюжей разминки настроить себя морально.

Светских разговоров не произошло. Лексий грузно и несколько зажато буркнул мне что-то вроде «удачи» и резко завершил звонок.

Я был слишком возбужден, лишенный возможности думать о чем-то ином. Зараза! Приспичило начальству мне до самых пар обо всем сообщать! С другой стороны, чтобы я смог лучше подготовить свою скрытность ночью, планы прочие отодвинуть. Еще с первых секунд осознания неизбежного моего конца сердце начало быстро и сильно биться, словно оно даже где-то намеревалось выпрыгнуть к черту из этой грудной клетки. Я прислушивался к стукам своего сердца и оценивал возможные потенциальные удары первого будущего противника неизвестного телосложения, который бы с такой же частотой и примерной силой решил бить в грудь. Я немного вспотел, когда пришел к мысли, что совсем не факт, что даже моя грудь выдержит те или иные удары. Бои же без правил. А я вообще останусь жив после такого? Опыта все-таки — никакого. Вот дела, такой себе вопрос...

Перед выходом в университет успел тщательно принять горячий душ, сделал самый удобный хвост на голове в своей жизни, рассмотрел внимательнее свое лицо в зеркале, пока еще не обезображенное различными пугающими шрамами: лицо виделось мне бледным, болезненным, мученическим. Кто бы знал, прибавит ли живости моему выражению физиономии пара конкретных яростных лещей? Оделся, собрался, положил в сумку базовый, неприметный и неинтересный ассортимент оружия, перед самым выходом я как-то замялся, встал. Все продолжал рисовать у себя в голове эту беспокойную и рискованную картину, готовил себя теми мыслями, что я словно бы прямо сейчас, вот уже участвую в этом самом бою с самым страшным и накачанным мужланом, у которого какой-нибудь безобразный шрам на пол-лица, задевавший бы обязательно глаз. Бр-р.. Я стоял, представлял и набирался в тревоге и тяжести своих переживаний морального духа: расставлял правильно, как считал, ноги, несколько подпрыгивал с места на место, как там опытные и обученные боксеры машинально делают, попробовал необходимым образом вытянуть вперед руки. Я рассуждал, как мог бы нападать и как защищаться. Все вокруг теперь воспринималось очень странно. Лексий в утреннем разговоре сообщил, что первый бой для всех самый трудный не только по той причине, что мы, свеженькие, не знакомы пока с их системой, с их графиком. Мало того, в первом бою жадная и страстная аудитория вокруг с удовольствием рассматривает новых, безликих персон на боях, молниеносно придумывая и намертво вешая клеймо на новенького, заставляя тем самым того играть дальше желанную обществом роль. Моя судьба пока не определена на этот счет. Мне просто важно в самый первый раз проявить свои самые лучшие качества (о существовании которых я не совсем знаю и понимаю, ведь толком не размышлял, чего хорошего во мне может раскрыться в подобных случаях), чтобы избежать затем неудобных и зачастую, как он сказал, проигрышных ролей, иначе оставшийся рабочий свой стаж буду отыгрывать в неприятных позах, как бы я ни возжелал выделиться иначе позже. Все просто — за клеймо больше платят. То, что придумывают зрители таких боев, возбуждает их самих, как скромная и, казалось, абстрактная,

мимолетная мысль жалкого уроды начинает иметь ажиотаж, успех, восторг, настоящий спрос. За такое они готовы отдавать большие деньги, лишь бы продлевать такое своеобразное ощущение власти. Что же, я очень надеюсь, что выкручусь и что-нибудь обязательно придумаю на сегодняшнем бою.

Запись 10

Колбасило целый день, признаться честно. На парах не мог спокойно устремить внимание на то, что вещал лектор. Тяжело и тревожно на душе, однако я очень старался себя успокоить мыслью, что конкретно сейчас меня никто не бьет. Напротив, кто-нибудь наверняка условно или в своих фантазиях нежно гладит меня по голове. Кто бы знал, что в это время фантазии мои были увлечены совсем другим, более реальным, гнетущим и ужасающим. Наконец, до назначенной встречи оставалось меньше часа.

Я отправился со всех дополнительных научных встреч, намеревавшихся бы развить практические навыки у студентов. Вежливо отказал многим одноклассникам, которые целеустремленно и настойчиво меня звали то ли выпить, то ли покурить, то ли вызнать, по какой причине я с этой практики сваливаю.

Я вышел и первым делом глубоко вдохнул, жадно заглатывая как можно больше воздуха. Странно, что в такие особо чувствительные моменты я мог ощутить своеобразный вкус у воздуха. Хотя он, должно быть, такой же прозрачный и безвкусный, как и вода. Походка моя отличалась какой-то нервозностью, дерганностью, но я ничего не мог с этим поделать. Я все также успешно пытался выплеснуть максимум своей энергии ныне, в моменте, словно я уже в бою, с кем-то судорожно и страстно сражаюсь. Это неразумно, я растрочу все силы к позднему вечеру и на меня повесят какое-нибудь совсем неутешительное клеймо! Но и на это я тоже мог мало как повлиять. Хотелось драться. Простите... Странное чувство. Не то чтобы хотелось, но я находился в атипичном мне состоянии «не против».

Неизвестность устрашала меня сильнее, я представлял самые безобразные и вопиющие картины ринга, своего противника. Периодически картины менялись в зависимости от моего, наверное, относительно менее мутного настроения. Но из головы не выходило томительное, скручивавшее и почти душившее чувство ожидания — будет душно, жарко, грязно. В этой духоте, несомненно, будут собраны все различные бытовые и неприятные запахи, лишённые всякой свежести. Но мне ли придирается к таким мелочам?

Я растянулся на уличных спорт-площадках. На ржавевшем в реальном времени турнике я смог несколько раз подтянуться, пока критически не заболел бок. Вероятно, селезенка дала о себе знать. Господи, а если будут бить туда? Нет, вздор! Не прогнозировать вероятное! Зашел в ближайшую столовую, сытно поел, хапнул маленькую баночку сидра «Chesters», справил нужду в туалете. Мало ли, намочу штаны прямо во время боя. Какое же клеймо мне бы дали, реагируя на подобного свеженького бойца?! Пригнал уже более уверенными шагами к одной точке, где можно несколько потренироваться. Я не обо всех знал, не все посетил, поэтому подошел к той, которую прочувствовал уже миллион раз, однажды находясь там. Сегодня подвальное помещение выглядело более оживленным, чем обычно. Неужто сезон бесперебойных боев, скажем так? Многие бегло окинули меня небрежно взглядом, оценивая, словно из принципиальной гордости, не замечая меня.

Я расположился. Рассмотрел подробнее свои кастеты. Обвязал туго руки тканью. Кудрявые, словно успевшие еще сильнее отрасти волосы, зафиксировал крепче. Все то, что падало мне на глаза невзначай, попытался вообще убрать, чтобы красовался чистый, лоснившийся от моих усердий лоб, который, вероятно, в скором времени изукрасится специфическими кровавыми завитушками пятидесяти оттенков, с контрастно синевшим цветом кожи. Я слегка разделся, чтобы проще было дышать и не чувствовать задним фоном какие-то тяжелые одеяния на своем хрупком теле. За неимением понятия, как именно мне готовиться, к чему готовиться, я стал в хаотичном порядке по несколько раз выполнять сначала какие-то базовые навыки ведения боя. Из общих правил, которые я вспоминал в процессе тренировки, я постепенно перешел к каким-то более узкоспециализированным тактикам боя. Называется, прочитал как-то

раз у китайских мыслителей про искусство войны. Да я не только китайских вспомнил: какие-то видения тонкостей борьбы повторил динамически и бразильских мастеров, и японских, и вьетнамских. Я плохо разбирался в тонкостях боя, учился поверхностно только несколько лет назад у Лешика, который в свое время, как помню, ужасно увлекался пониманием ведения боя и возможностью защитить себя. Я смотрел восхищенно ему в глаза и просто стремился повторять за ним, наивно полагая, что с моим врожденным трудолюбием, усердностью и усидчивостью получится много лучше, чем у истинного почетного любителя. Дурак!

Порой безумно не хватало Лешика...

С Серьгой в настоящее время все труднее и труднее. Разговариваешь с ним будто не с лучшим другом, а с размазанным образом, который кто-то до сих пор увлеченно и безумно продолжает растирать. Знаете, я долгое время рассуждал, но все же! Почему я общаюсь с Серьгой? Почему я дружу с ним? Ведь явно я другой! Из другого социума, где склонны бороться с подобными вещами и не падать во всеуслышание. Где способны и устремлены решать проблемы интеллигентно до потери памяти, пульса, себя самого. Может быть, в этом и проблема? Серьга постепенно теряет себя, оттого, в частности, прощает неверность каким-то своим юным, может, для него детским принципам. Вздор, наркотики же он начал употреблять не в беспамятстве! В чем же проблема, в самом деле? Умный, талантливый, способный, харизматичный. Понимаете, как-то мысль пришла ненароком — простая, банальная слабохарактерность, присутствующая, пожалуй, в разной степени каждому человеку и похвально могущественная в том, чтобы сломать этого самого каждого. И мне бы спросить себя, я не сломал себя, согласившись на такую, столь рискованную и депрессивную затею? Если и не сломал, то вынужденно ломаю, дроблю себе кости. И ведь невыносимая легкость бытия, которую невыносимо больно осознавать и принимать. Скажите, слабый останется слабым? Или есть какой-то путь рассуждений, который мог бы вывести прочь от этой слабохарактерности? По крайней мере, отдалить ее от себя на максимально возможное расстояние. Вряд ли, Серьга же едва ли вновь согласится бороться за здоровую жизнь полноценного человека. Быть слабым ему кажется надежнее, устойчивее, в некотором роде сильнее этого самого шага в очередную неизвестность, которую могла бы ему разукрасить ломка, например. А я? Что насчет меня? Чувствую, как ломаюсь, как хотел бы давно и жалко сдаться! Однако готовлюсь, методично прорабатывая и мимолетно вспоминая разнообразные техники ведения боя. Я еще в игре. Прокричал себе, что сдался, но, как видите, ощущение продолжения того самого состояния духоты, тучности, резкости, боли, в конце же концов. Если с Серьгой просто, то со мной явно сложнее. Во всяком случае для меня самого! Как бы я ни упрощал для себя, все вокруг показывает картину гораздо более глубокую и философскую, чем я в грезах в отчаянии себе рисовал. Как теперь охота думать в невыносимой легкости бытия, легкость эта далеко не в упрощении. Сильным осознавать и принимать свою склонность к слабохарактерности. Сильным обходить, грамотно анализируя особенности своих слабостей. Сильным чувствовать боль и признать это болью, сквозь себя пропуская эти чувства, защищая всеми фибрами свою эту слабость. Мне же в силах вытянуть Серьгу из черной дыры, мне же высматривать азарт в том, чтобы сделать зрелище из своей будущей бойни! Ради дурацкого клейма, достойного бы обеспечить мне социальную защиту.

С такими мыслями я отработывал какие-то приемы более энергично, даже где-то находя свой стиль в проявлении этих самых тактик. Еще повозившись с собой минут двадцать, я все-таки устал и решил принять душ, в голове уже практически полностью настроившись на предстоящее соревнование.

Выйдя из душа, я направился, отчетливо и смело ступая по асфальту под ногами, в непосредственное место проведения боя, адрес которого мне скинул скромно в сообщениях Лексий, надеясь на меня и веря в мой неоднозначный, прибыльный образ бойца.

Запись 11

Люди не внушали доверия. Они мне и в обычное-то время мало доверия внушают, но этим вечером выглядели они подстать мрачной, неприятно могильной какой-то атмосфере фильма «Адвокат дьявола». Нет, не то чтобы жизненной энергии выплескивалось в дефиците, когда я вошел на это поле подпольных развлечений. Низких и порочных эмоций обнаруживалось чересчур, из-за чего я мог даже захлебнуться запросто в такой напряженной и недружелюбной обстановке. Порочность сконцентрирована на этом самом ринге, где вот-вот произойдет волнующее их событие. Быть может, где-то около ринга мелькнут дополнительные источники улучшения их неистово жалкого настроения. Абсурд доведен до нормы, естества: сверкать звериным оскалом, наслаждаться человеческой болью со стороны, получать заряд возбуждения от каких-то экзотических времяпрепровождений в данном кругу бесформенных, безличных уродов было более, чем авторитетно, гордо. Они вкусят мой лик победы или томительного поражения, почувствуют обязательно запах моей крови, за километр узнают особенность моего гемоглобина в крови. За дополнительную плату попробуют обоссаться при них всех ради очередного приятного чувства в их головах, затем же они запомнят запах моих выделений. Самое отвратительное, они считают, что знание особенностей выделений каждого участника боев без правил позволяет им ощущать себя истинными властителями сего действия. Что же, быть может, в чем-то они действительно правы: чтобы обладать низким, нужно вкушать низкое, необходимо интересоваться этим низким. Вряд ли всем этим людям искренне интересны высокие нравственные, этические рассуждения, анализ научных докладов, критика бесповоротно некомпетентных журналистов. Кто из научной среды находился бы здесь в данный момент, все они увлеченно обманывают себя, предпочитая интересоваться запахом моей боли, конкретики моих физических страданий.

Говоря в общих деталях, место наблюдалось мне далеко не из самых приятных. Освещено оно было очень хило, особенно постарались лишь для своеобразного самодельного ринга, и я прекрасно понимал подобную расстановку света: мало кому интересно всерьез знакомиться с таким же безвкусным и жестоким, как и ты сам, кругом сплошные зеркала. Чисто комфортнее находиться как бы в тени, как бы вне всей этой системы, одновременно получая удовольствия и не лишая себя мысли, что ты какой-то не такой, неадекватный, аморальный.

Обустроено было мало чего, однако по углам расположились некоторые дешевые барные точки, так сказать. Наверное, такие места ставились на удобный случай подзаработать. Какие-то прочие детали разглядеть мне было непросто: уже за полчаса собралась практически вся аудитория предстоящего боя, и, казалось, давно все стали друг друга нетерпеливо толкать, беспрестанно потеть, раздражаться, копить свою негативную энергию ближе к событию. Когда меня отвели в небольшую комнатку, из которой должны по канонам моей работы выходить представленные бойцы, я даже сквозь эти тонкие, картонные, пропитанные чем-то сальным стены смог почувствовать насыщенный аромат пота, грязного белья, грязи как таковой. Сердце забилося быстрее. Восторженные ожидаемым зрелищем, страстные крики становились все громче. Уверенность в себе в данный момент у меня уходила в минус ноль, давайте будем честными. Бойцов уводят в маленькие личные комнатки за пятнадцать минут до непосредственной встречи с соперником, чтобы те просто имели возможность настроиться морально, оценить свое самочувствие, включить голову на необходимые в дальнейшем сложные задачи в схватке. Получалось сконцентрироваться слабо, все-таки стены — картонки, сильно препятствовало моему моральному духу. К тому же, я не имел ни малейшего представления, с кем именно мне предстоит сейчас драться. Знали зрители, было это сделано, опять же, с целью заработать больше денег с того, чтобы они сильнее ощущали свое преимущество, доминирующее положение монархов, пророков в этом всем. Наверняка между особо хорошо

одетых мужчин незаметно подкрадывается сейчас другой, более хитрый и беспринципный, более невзрачный и уравновешенный человек, прагматично считающий деньги, которые зритель готов отдать в погоне за своей самоуверенностью, кто смог бы победить в назревающей драке: проще говоря, ставки на спорт!

А кто мог бы выйти на одну площадку со мной? Похожий дрыщ, смуглый бодибилдер, изысканный борец сумо? Ждать можно было чего угодно, разумнее готовиться к худшему. Желательно, к самому худшему — рассудить и о неутешительных последствиях моей юности безрадостной в целом. Однако такими темпами недалеко и банально к родителям присоединиться. Подумаешь! Они не смогли, мать не решилась представить свою жизнь без моего отца, а мне что делать предлагаете? Я тоже едва ли представляю, я вообще отказался что-либо признавать грандиозное в своей жизни. Живу настоящим, предвосхищая встречу с элегантным азиатом, увлеченным этим самым сумо.

Сидел я на хлипкой, прогнившей слегка деревянной лавочке, поджав неловко ноги, нервно рассуждая о самых разных вариантах моего боя — знаете ли, само по себе самое отвратительное состояние — это состояние ожидания. Быть может, встретившись с проблемой как она есть, без излишних гипербола и литот, я мог бы полноценно взгрустнуть или обрадоваться как-либо. Сейчас же в пору только истязать себя своими же индивидуальными умениями копать в себе, надавливать произвольно на болезненные места своей жизни, изображая противника как самого закоренелого врага не просто тебя, а твоих ошибочно принятых решений в жизни в целом. Сейчас я мог больно бить себя в сознании лишь угрызениями совести, почему и как я докатился до такой жизни. И ни один долбаный бодибилдер не мог быть для меня страшнее и ужаснее в тот самый момент.

За стенами надменными басами послышались топот и безудержные хлопки в ритм, народ перешел в обостренную фазу ожидания и требовал зрелища с минуты на минуту. Мгновением позже в мою дохлую хибарку осторожно и бесшумно зашел Лексий, бледный от своей серьезности, зеленеющий на глазах от своей внимательной суровости.

— Пора, — тяжело и неподъемно произнес он.

— Ты знаешь его? С кем я буду драться, Лексий? — беспокойно, все еще пребывая на пике своих тревожных ожиданий неясного, сразу же пристал к нему я.

— Непростой тип... По крайней мере, у нас давно. Тебе придется раскрыться немедленно сейчас, чтобы в дальнейшем в твоей карьере не произошло никаких безысходных тупиков, — ровным, сдержанным тоном бормотал Лексий. От его слов нечто вонзилось в мое сердце, выпуская ненароком огромный мешок адреналина, который молниеносно рассыпался по каждой клетке моего организма. Я чувствовал невероятный прилив сил, но внутри страдал от растущей, желавшей врасти в меня пустоты. Глаза раскрылись и словно бы сбросили некачественную пыльную пелену с себя. Мир заиграл насыщенными и явственными красками, от которых хотелось тошнить.

— Пора, — продолжал Лексий, приоткрывая гостеприимно мне дверь.

Я чувствовал невзначай его сожаление, которым он был пропитан в тот момент. Интересно, чем я правда ему так приглянулся? Быть может, дело не в личной симпатии и он лишь увидел картинку с плохим концом, которую мне невозможно расписать так же полноценно, как мог бы он? Он вынужденно знал, как именно и в каких тонах расписывать все эти жизненные картины, потому что он делал это много-много раз, захлебываясь разбухавшим истощением повторявшихся несчастий.

Думать было некогда, распыляться философией хотелось тогда безумно, однако я обязан был все свои силы устремить на свои физические данные, боевые умения. Собравшись с духом и постаравшись отключить голову от тягостных дум, я не спеша вышел, фальшиво имитируя свою прогулочную походку, стараясь бесталанно убедить толпу в своей уверенности перед боем. Однако душные тени за хиленькой решеткой чувствовали с исключительным пристра-

ствием мое замешательство в том, что я совершал перед ними только что в реальном времени. Бой не начался, все уже купались в безудержном экстазе от жалкого и пошлого представления. Из лачуги напротив вышел русский парень, издавелеа казавшийся выше меня ростом: бледный, рыжеволосый, огромное множество веснушек на лице, некрасивый кривой нос картошкой, который вероятно ему подпортили еще давно при какой-нибудь другой драке. С натяжкой его можно было назвать дрыщом, однако хорошо видная вблизи развитая мускулатура парня не внушала никаких надежд на положительный исход моей предстоящей бойни. Глаза его виделись мне потерянными и словно такими же избитыми, изуродованными, как его нос. Теперь этот человек мог ощущать деформацию своих черт лица, деформацию конечностей соперника. Ощущать лишь только результат физических изменений в закономерностях. И ничто абстрактное или абсурдное философское перестало смущать его, потому что попросту он не фиксировал подобный бесценный бред в своей голове. Мы стояли напротив друг друга по разные стороны ринга. Вдруг из какого-то угла, обойдя хибару рыжего, выбежал пухленький азартный судья, напяливший на себя длинную нежно-голубую рубашку, которая так старательно прикрывала многие его жировые складки. Потрепанная джинсовая кепка в бесформенных следах от какой-то темной жидкости скрывала и сальные грязные волосы мужчины.

— Приветствую всех наших почтенных зрителей на 271 бою без правил! Сегодня в схватке примет участие отличившийся особой выносливостью и хитростью участник, прибывший к нам из северной части страны, ох-ох-ох! Поприветствуем д'Йорка! — толпа заревела животным восхищенным криком.

— В то же время в своем первом бою без правил примет участие юноша, покрытый сплошными тайнами и загадками, надеждами и разочарованиями. Кто готов узнать сейчас, на что правда горазд этот парнишка и какие отличительные качества проявит он в жестоких условиях наших боев? Встречаем — Кузник!

Публика отреагировала бурно на мое появление на ринге, однако пока заметно скучала, все еще нервно и возбужденно предвкушая сам бой.

— Обозначаем элементарные границы наших боев! Пояснение новеньким в наших рядах, — судья насмешливо нежно и язвительно подмигнул мне.

— Бой проводится до первой отключки одного из участников либо до полного поражения одного из бойцов. Такие поражения равны критическим состояниям одного из противников, и эти состояния считаются пограничными с комой или другими особенно серьезными травмами, — монстры за решеткой завопили заразительным задорным голосом, лишенным всякой сочувственности.

— Обычно бой длится до трех часов. Просто, пожалуй, потому, что дольше никто не выдерживал! Желаю удачи участникам и приятного времяпрепровождения вам, дорогие зрители! Спасибо, что спонсируете!

По-детски хихикнув, судья неуклюже усакал прочь с поле боя, усердно обходя самих участников, на всякий случай самому не отхватив болезненных лещей. В темноте среди людей воцарилось томительное сосредоточенное ожидание, стало слегка тише. Я был уверен в том, что теперь каждый взор посетителя таких мероприятий был устремлен сюда, в частности на меня. Бой принято считать начатым, отсчет пошел!

Запись 12

Я не испытывал боли. Казалось, она была всегда. Оставалась ли она чувством? Странный произошел с болью надлом: тогда она мне казалась рутиной, неотъемлемой и необходимой частью жизнедеятельности моего организма.

Рыжик бил меня больно, мы оба пользовались кастетами. И хоть у него один кастет оказался чересчур старым и стершимся, ему хватало одного аксессуара к своим физическим навыкам, чтобы заставить меня страдать сильнее и сильнее. После каждого удара я отдавал себе отчет в том, что живой и соображающий, и пронзительная, жгучая, ноющая, режущая боль в разных местах моего тела отходила на задний план так, что я действительно перестал замечать разницу и условно сравнивать, каково жить с болью и без нее. Легкие привыкли дышать вместе с болью, мозг стал ярче соображать, всегда помня о ней, сердце стойко и уверенно билось, хотя ни один орган в моем теле не получал ничего полезного или даже нейтрального от боли. Оценивалось на физиологическом уровне просто: война, беспорядки, тебе бы выжить, дружище Кузник. Узник душераздирающих ощущений. Да, с душой все примерно похоже: разорвалась на части от боли, а затем собралась неуклюжим дешевеньким пазлом, чтобы не потерпеть поражение в важной столь схватке. Чуть ли не насмерть, пожалуй. Я как-то вообще задумался задней мыслью, пока дрался: убедить себя, что боль была всегда, так ее перестанет быть. Если не сейчас, а с самого детства я оперировал подобной мыслью? Да и не только я — много таких же наблюдательных философов. Все это огромным бездонным комом в твоём сердце и мозге, а ты научился неожиданно для себя жить вместе с этим комом? Как? Интегрируя боль с рутиной: в душе с ней, в постели с ней, на работе и в баре именно с ней. Столько человек способен не чувствовать только лишь из-за своего удивительного качества проникаться страданием и вмещать в себя все, что эта боль нам предлагает приобрести. Я дрался изо всех сил, ловко в некоторых моментах уворачиваясь от молниеносных и метких ударов д'Йорка, отходя на пару метров в сторону, дабы в освободившиеся десять секунд сделать желанную передышку. Бойня проверяла, несомненно, мою выносливость. Кто первый посыпется, тогда и решат вести финальный отсчет до конца боя. Но даже при обозначении сильных и слабых сторон противников, я думаю, последний рывок за выносливостью и терпением слабого противника. Я старался воззвать к своей силе воли, но одновременно с тем и представлял прекрасно, что на ней одной явно не одержишь хотя бы ничью, если здесь такое позволительно. Но с Рыжиком бороться в разы тяжелее, несмотря на худенькое телосложение соперника. Отсутствие подкожно-жировой клетчатки в его организме не отменяло возможности качественного развития мышечной ткани.

По вопросам тренировок своей мускулатуры д'Йорк был очень хорош. Однако присутствовало в его характере нечто такое, лишавшее моего уважения к нему. Манерности и чести, конечно, в боях без правил ему совсем не хватало: хитрость и наглость нечестных приемов морально угнетала — дурак, я не мог переступить через свою гордость и драться так же беспринципно, как и он. Несколько раз Рыжик пытался меня ударить ногой по причинному месту, но пока все эти разы мне удавалось красиво увернуться — жадная на жестокие аттракционы толпа восхищенно задышалась в овациях.

Боль пронзала меня насквозь и устремленной стрелой куда-то уходила далеко прочь, и мне казалось, что я чувствовал всем организмом весь ее путь, который боль прошла и который ей только предстоит одолеть. Несколько раз у меня получалось отвлечь его или обмануть, чтобы мощным ударом залететь ему куда-нибудь в лицо, грудь. Пару раз я даже умудрялся его оглушать. Однако с течением бойни он запоминал закономерность моего поведения в бою, он умело и быстро запоминал, как я бью. Я, разумеется, тоже во что-то из характерного Рыжику смог вникнуть, но, явно, будучи свеженьким в данной сфере, тратил на это больше времени.

Бились мы долго, и с каждым часом я, казалось бы, только сильнее утопал в пучине боли. В глазах мерцало, но я все еще отдавал отчет, что жив. Незаметно для всех неприятно щипал себя и радостно в мыслях замечал, что чувствую разницу между моим рутинным страданием и ребяческим щипком за бочок. Длинные волосы тяжелели, когда я весь уже чрезмерно вспотел. Складывалось невзначай такое впечатление, что костяшки на руках истерлись как дряхлый игрушечный пистолетик прошлого века. Оставалось только разочарованно сдуть пыль — стертые в кровь и перемолотые в неясно что мои руки и ноги. Свет в помещении искрился больнее, грязными острыми стекляшками попадая в глаза. Беспокойные мысли вертелись ураганом буйным в голове, что, похоже, я проигрываю. Но потеряно не все, еще живой, бороться дальше, сражаться до конца! Как бы не хотелось унижительного клейма после первого боя, подставило руководство с этим д'Йорком. Невесть сколько прошло времени, но даже он уже выглядел измотанным и соображал хуже, как ему изящно извернуться и отлупить получше меня. Толпа за решеткой, видимо, обленилась и заскучала с интригой сидеть — уже начала увлеченно выкрикивать какие-то самые разные фразы, зачастую оскорбительные, с жалким намерением отвлечь одного противника, оказав любезно помощь другому. Они нетерпеливо расшатывали решетку, основная масса унижительных речей с грохотом брани сыпалась на меня. Я старался абстрагироваться как мог и выискать силы в себе, где только они могли быть спрятаны во мне, и в то же время безнадежно желал придумать какой-нибудь хитрый способ нанести удар, сохранив свою честь как Евгения Кузнецова, манерного мальчика с тяжелой судьбой. Жалко, как все жалко звучит! Я оступился, в этот момент моя честь показалась мне откровенным самодурством, которого я мог не замечать долгие годы. Но как без него, лицом в грязь падать, не побоюсь ли я растерять свою честь, выйдя обратно в приличное общество после этого боя? Сомнения начали стремительно нарастать во мне, и растерянность стала циркулировать вместе с кровью весьма ощутимо. Я все еще отдавал себе отчет, но о другом подумать было нереально! Кто передо мной сейчас? Он был когда-либо человеком чести? Что он делал со своей честью? Я бы не отказался от дополнительного радушия со стороны Лексия, который бы предложил сходить душевно в бар с этим Рыжиком и обсудить моральную сторону этой всей жизни. Бить было бы больше этого человека в дальнейшем, но я уже понял, что во время бойни боль перестает быть всеми отвергаемым ужасным ощущением, это становится бесконечной, словно бы обыкновенной рутинной! Представив свой разговор о жизни в баре, невольно я вспомнил Серьгу и его бушевавшие год назад примерно настроения. Он в отчаянной истерике, на эмоциях, что не хотел жить, разбил бутылки две хорошего кубинского рома. Настоящее мне уже вряд ли казалось ощущаемым и действительным. Показалось, будто где-то там, за решеткой, в пульсирующей возбужденной с пеной у рта толпе какой-то здоровый широкоплечий, пухлый и лысоватый мужик взял у кого-то более невзрачного и неприметного какой-то неясный пакет. На свете они озорным образом мне подмигнули, сердце перестало воински биться, замерев вновь в жуткой тоске. Я совершил огромную ошибку в этот самый момент, как я был неосторожен и глуп! Не понимая где и как, не видя в упор перед собой надвигавшегося ко мне д'Йорка, я лишь почувствовал боль, в тысячи раз более пронзительную и разрывавшую меня на беспомощные части, в области груди. В глазах неприятно сверкало, чем-то колко искрило. Эта боль отдавала куда-то в самую душу, и я снова посчитал, что давно знал это чувство. Боль от потери родных, боль от разрушенных с друзьями отношений, боль от одиночества, от своего ограниченного тела, которое все равно замыкалось в какой-то точке пространства, не имея возможности остановиться над проблемой, вплотную мудро на нее посмотрев, и не зная, как развить эту возможность. Промелькнул тревожный вопрос, умираю ли я сейчас? Как бы больно мне ни было сейчас, я все еще не хотел умирать по каким-то неведомым мне причинам. Пусть я продолжал страдать, но чертовски хотелось переиграть боль, усмехнуться над ней, проучить ее и показать ей, что я нарисую для себя картину жизни интереснее, чем видел сейчас. Я хотел жить как минимум из-за этой язвительности, которая бы позволила мне затем отпустить то, что

не должно быть воспалено в моей жизни, что должно достойно унести ветром в спокойные и умиротворенные пейзажи моей памяти. Я перестал испытывать боль. Стало внезапно хорошо, накрыла грозной волной приятная усталость. В глазах потемнело, а фундамент под ногами прекратил ощущаться надежным и ровным. Как минимум для себя я уже сделал несколько шагов на пути к своей победе.

Запись 13

Боль поглотила меня всего. В какой-то момент стало казаться, словно я даже восхищен этой болью внутри себя, словно осуществился давно необходимый мне отток ущемленных чувств. Теперь я лежал, не будучи уверенным, победил я или проиграл. Более того, было затруднительным ответить на вопрос, кого я мог победить — точно не боль, цветущую в моих органах. Мое проникновение этого ощущения ломкого стало шире — я лежал и не мог поначалу видеть, как я валялся в горизонтальном положении посреди какой-то безымянной, сырой и затхлой дыры. Я познавал свое положение через боль, особой формой осязания. Я был обессилен и прикреплен почти что намертво к полу, мое тело занимало немислимых размеров вес, который тогда я ни коим образом не смог бы осилить. Стало быть, раскрывшиеся во мне болезненные, скорбные, вибрирующие негодованием чувства растеклись, заимев значительную фактическую массу. Пол я ощущал в некоторых местах лучше самого себя: казалось, мои нервные окончания вдруг продолжились и вросли в этот цемент подо мной, а вслед за нервами устремились вглубь стройматериалов и кровеносные сосуды, лимфатические сосуды. Я мигрировал куда-то вниз и, наверное, рад был принять свое решение упасть ниже, стать дном, цементным полом. Однако из нестерпимых сотрясений моего тела выдернул методический приглушенный шелест где-то около меня. Составлять мысли в полноценные окончательные фразы в голове ощущалось тяжким бременем, но все же с горем пополам я воскликнул с возродившейся долей любопытства — убирают. Вслед за промелькнувшим доводом посыпались ручьем другие различные, будоражившие меня доводы. Что могли бы убирать? Почему сейчас? Кто убирается? У них это предусмотрено, зрители подобных бесчеловечных актов насилия еще чем-то лихо засоряют помещение?

Я открыл глаза — боль проникала даже в такие нежные и тонкие структуры моего тела, как веки. Свет откуда-то сверху колюче заставил взбодриться еще сильнее, недомогание потихоньку даже начало приобретать неприятные и, быть может, житейские, привычные оттенки чего-то нежеланного, «неблаженного». Синевато-белый свет от дешевых, но туго вставленных лампочек бил беспрестанно в глаза, очерчивая изначально черные бесформенные сгустки пространства в нечто закономерное, логическое, продуманное. Через какое-то время я смог чуть приподняться, приняв полусидячее наконец положение тела. Обзор с такой позиции стал мне намного более обширным просторным, хотя и, все еще хочу напомнить, не мог сфокусироваться на чем-то предметном. Приходилось смиренно свыкнуться с несколько расплывчатой картиной вокруг (вероятно, в бою ударили куда-то между глаз или около, потому такие неудобные послевкусия от бойни). Силуэт постепенно заимел свои характерные черты. В самом деле, некий кто-то прогулочным и вдумчивым шагом шагал по помещению, очень аккуратно опускаясь на корты или, наоборот, чуть приподнимаясь, словно что-то такое выискивал. Я заострил взгляд, судорожно для себя пытаюсь хотя бы в мыслях соединить расплывчатые очертания окружающей картины в единый пейзаж. Действительно, мужчина что-то искал, но когда находился, то едва заметно, бесшумно смахивал предмет в свою деловую, деликатного стиля сумку. Видя, как я оклемался и, более того, сознательно вникаю в происходящее ныне, этот человек повел себя странно: изысканно добропорядочно он стал прибираться в зоне помещения, чуть ближней мне. Когда мужчина подошел, хриплый и ржаво-желтый свет оставшегося работающего фонаря указал на более конкретные очертания его образа: с виду ему можно было дать лет сорок-сорок пять, иссушенная кожа, затянутые этой сухой кожей шрамы на лице, на руках; добрый и суровый взгляд, однако, светло-серые глаза его странно поблескивали остроумием, на данный момент мне не совсем доступным. Он казался мне человеком красивым и харизматичным, но его элегантно загадочность словно намерена была отталкивать обычных людей, у которых нет потребности в непринужденном общении с таким человеком. Я находился в неко-

торой смежной позиции: не находилось формального повода заиметь с ним хотя бы разовую беседу, но и все вокруг не давало мне позволить сделать вид, что я потерял сознание по причине какого-нибудь неуклюжего отравления. Увидев невзначай, как этот человек ловко спрятал за своей ладонью маленький пластиковый прозрачный пакетик со следами белого порошка, который, как мне ужасно показалось, пропитался чем-то сальным, жирным, я неожиданно отыскал предлог вступить с ним в беседу.

— Что Вы убираете? — хмуро спросил я, почувствовав через голос, как он дрожит от попеременно пульсировавших болевых приступов в области головы.

— Дурь, — вежливо и кратко ответил мужчина, ненароком показывая свою осторожность в ведении разговора с людьми.

— Дурь? — поначалу я не совсем его понял. — На боях действуют торговые точки, которые владеют наркотическими веществами?

— Разумеется, не будут же они приходить в добром здравии сюда. Им охота оправдать себя и свои пороки, а что еще лучше — не задумываться об этом совсем, получая феерическое удовольствие от представляемого зрелища, — голос мужчины ощущался невообразимо интересным, речь слышалась поставленной, разборчивой, и сам он вкладывал, быть может, больше смысла в то, что он говорил и с какой интонацией.

— Дурь еще покупают... Как будто нечто еще способно сделать их тупее, чем они есть, — рассеянно пробубнил я и методичными движениями потихоньку начал массировать свое лицо, чтобы справиться с первичными болевыми позывами в теле.

— Позвольте, Ваша мысль интересна, конечно, но сомневаюсь, что дурь покупают дураки и лишь с той целью, чтобы стать тупее. Наверное, мы вкладываем слишком много смысла в это разграничение на умных и глупых. Конкретно здесь, наверное, дурь приобретают люди неглупые и, пожалуй, с целью из положения сделать чувство — они хотели бы почувствовать свое право на власть.

— А, по-вашему, зачем дурь покупают глупые люди?

— Ох, и правда глупо! Полагаю, они пытаются убежать от чувства, чтобы прийти к положению. Если бы им удалось добиться должного положения, то порочность их чувств могла бы попытаться преобразовать это в чувство. Так сказать, слабое превратить в действие, а сильное — в чувство. Но, наверное, все это и есть одна большая чушь. Человек уязвим в любых случаях. А это лишь гнусная попытка оправдать свою неспособность принять уязвление.

— Вы говорите для меня несколько витиевато, прошу меня простить. Раскалывается голова, и коченеет от холода все тело. Странное состояние на пике боли и онемения.

— Конечно, в вашем состоянии Вам не мудрено при всем при том цепляться за высокие материи, — мужчина к тому моменту смог обойти, казалось, все углы этого помещения, потому он встал посреди зала, голос его стал более глухим и непосредственным. — Вы долго лежали вот так. Я даже планировал вызвать Вам карету скорой помощи, если Вы не встанете до окончания выполнения моих рабочих обязанностей. Вы очень сильны! Вы проснулись. Наверное, сейчас у Вас бесконечное множество новых впечатлений. И, конечно, боль. Это нормально. Вы впервые здесь? Ранее Вас я не встречал?

— Да. А так — должно быть больно? Или я просто не привык? — решился я задать, казалось мне, вопрос глупый, но внутри моих мыслительных изысканий эти слова проговаривались с болезненным надрывом.

— Это сложный вопрос. Но привыкнуть — необходимо, иначе проживать следующие дни Вам будет тяжело, или, точнее высказаться, тяжелее, чем Вам приходилось обычно. Ничего страшного, привыкнете, Вам боль покажется обыденным ощущением, даже мало станете различать ее с другими впечатлениями — все также, без особого задора, но с каким-то гротеском в словах произносил свои фразы мужчина.

— Насколько это хорошо? А если я и правда разучусь отличать данные ощущения друг от друга? Мне покажется искреннее чувство радости чем-то несуразным. И как быть тогда?

— Привыкнете в обратном направлении. Если Вы вступили в игру подобного рода, — он замахнулся изящно всей рукой на помещение, — тогда Вы должны быть весьма и весьма адаптивны.

— Слабо пока получается, — грустно усмехнулся я. — Я сильно оплошал во время своего первого поединка?

— Я прихожу только к самому концу. К сожалению, не застал Ваше падение, если Вы и правда в душе падали в тот момент. Обычно во время представления мои коллеги отработывают свои смены. Моя смена идет последняя.

— Извините за мой вопрос, но кто Вы такой и кем работаете?

— Ох, деликатный вопрос. В наших кругах, можно сказать, интимный! — остро подметил и ухмыльнулся собеседник. — У меня и моих коллег обязанности относительно разные. Кто-то выдает товар, кто-то следит за тем, чтобы торговые отношения шли с должным им характером. Я привожу помещение в порядок и возвращаю к тому моменту, когда сюда не приходили важные дяди употреблять вещества и довольно смотреть на бои. После меня у Вас никогда не останется впечатления, будто здесь могло происходить нечто нелегальное. Зовут меня Аарон Тит.

— Необычное прозвище. Обязательно друг друга приветствовать по этим... никнеймам? — смущенно поинтересовался я.

— Могу сказать, могу — Суриков Виктор. Можете или так, или так, главное, не смешивайте данные вариации моих имен. Мало кому удастся так наивно признаться в имени, — довольной и мягкой улыбкой смягчился в голосе Виктор.

— Почему признаетесь мне?

— А что же Вы можете мне сделать? Я Вам указал на то, как важно привыкнуть к боли. Вы мало чем можете быть мне опасны. Кроме того, я же к боли уже привык. И Вас это восхитит. Исходя уже из этого, смею предположить, что ничего катастрофического этот наивный молодой юноша, новичок в суровой жизни, ничего вредоносного в отношении меня не совершит.

— Интересно развиваются Ваши суждения, — несколько удивленный и увлеченный ответил я потерянно, — меня зовут Кузник. В миру — Женя Кузнецов.

— Вы правы, мне всего восемнадцать, я мало знаю, как вредить людям. Скорее, мне вредят или я сам себе вред приношу.

— Кузник... Наверное, потому, что Вы — узник внутри себя. Вряд ли идея прозвища в том, что оно созвучно с кузнечиками.

Я возмущился таким развитием рассуждений Аарона, почувствовав детское раздражение от подобной ассоциации, однако в то же время меня безмерно занимала такая манера поддерживать разговор.

— При чем здесь кузнечики? Неужели в таком суровом ремесле, где постоянно друг другу разбивают лица до крови, уместно сравнивать себя с безобидным насекомым? — возмущился я скромно.

— Женя, боюсь, что у Вас чересчур романтизированные представления о том, чем здесь действительно занимаются люди. Будем откровенны с вами, для меня это — парад ушербных. Страдальческий цирк, где уместно смеяться, если за каждой насмешкой стоит жестокое детство и прочее в таком духе. Помню, пришел к концу боя два на одного. В качестве дуэта выступали названные братья. Вместе они называли себя товариществом «Баклажан». Первый брат, очевидно, более напористый, активный, выразительный, искусно именовал себя Жаном, отдавая должное великолепию Жану Рено из Леона. Другого брата в действительности звали Богдан. Позже он сократил себя до Бака, несколько извратив имя. И уже, по мнению Жана, для звучания красочного дуэта тот заставил Бака называть себя странно: Бакл. Теперь второй

братец был похож больше на некоего бастарда. — Здесь Аарон Тит несколько увлекся вопросом жизни нелегальных рабочих, жестикуляция его стала более резкой, однако в речи сохранялась неподдельная удивительная мягкость. — Или, другой пример, некий Иисусин, с которым уважаемый начальник Вас планирует через какое-то время поставить. Театральный мужик, самоуверенно и обольстительно возомнил себя Богом. Возымел небывалую популярность на ринге. Понимаете ли, из всех таких важных гостей, приходящих смотреть, много атеистов. Бой Иисусина с кем-либо априори считается для них забавным. При поражении смешно изводить тему падения Бога. При победе Иисусина важные дяди смеются над глупостью происходящего: боец, миссия всего и вся в любом случае находится во властных руках наших любезных гостей. Рекомендую Вам привыкнуть и к такому. Но это был только Ваш первый бой, Женя, не смею давить на Вас знанием, которое Вы только начали постигать. Бестактно с моей стороны.

— Аарон Тит, почему Вы так вежливы со мной? Слишком общительны, слишком озабочены моим положением, — с подозрением я выслушал блистательную речь Аарона.

— Не в моей компетенции бить Вам морду, мой дорогой, — усмехнулся остроумно он. — Я вижу, как Вы на меня смотрите. Вас поражает моя опытность в ведении непростых дел. И я словно бы не кажусь Вам человеком отчаянным, хотя горазд признаться, я привык и притворяться. Сросся с работой: сколько, например, помещение ни убирай, оно никогда вновь не станет чем-то невинным, никогда не превратится в нейтральную территорию. Я позволяю Вам получать необходимую поддержку. Только после Вашей работы я могу узнать, как дела у моих коллег, как им живется во время работы.

Я нахмурился, почувствовав в области горла неприятное ощущение, и был уверен, что это точно никакая не вытекшая к слизистой горла кровь, напротив, неприятное ощущение нематериальной природы, стремительно пытающееся на том же невнятном бессловесном уровне мне донести нечто серьезное. Голова на миг, казалось, перестала болеть вовсе, и я сообщил:

— Вам любопытна моя реакция. На все и на Вас в том числе. Люди в моем возрасте — редкие кадры, которые даже если и пришли устроиться, вряд ли надолго задерживались. Ваша поддержка меня не так интересует, я знаю Вас только один разговор. Пустой треп о насущном: так Вы запутываете меня, где хотели бы запутать. Или я вас совсем не понимаю.

Аарон Тит воодушевленно шевельнул бровями, скептически, но с куда большим уважением на меня взглянув. Теперь он заинтересованно сверлил меня своим неоднозначным, безобидным, но очень колким, необщительным взглядом, перестав двигаться совсем. Некоторые секунды передо мной стояла осмысленная статуя, ведущая колоссальную мозговую деятельность, которая была мне все еще совсем не доступна. Я лишь мог наивно, путем неуклюжих и неловких ассоциаций предполагать и стараться изо всех сил выдвигать предположение далее, судорожно связывая мысли с фактами, которые, однако, к моему сожалению, также были мне недоступны: я же безвестный новичок в рабочей среде, где, похоже, практически ничего не знаю. Стало не по себе от всплывших тяжелым текстом слов Аарона о том, что и я привыкну. Затылок болезненно уколол меня. Знакомое, едва выносимое, чувство боли растеклось по моим бороздам головного мозга. Я чувственным путем постигал картину боли в своем организме, от осознания своей безвыходности начало скручивать живот. Мои руки застряли в каком-то промежуточном положении, намереваясь то закрыть ладонями затылок, то схватить негодовавший живот. Мое мучительное скручивание тела вернуло в земной мир Аарона, он взглянул мельком на меня очень грустно, губы его опустили в бессилии от наблюдения.

— В вашем положении важно встать, несмотря ни на что, — Тит протянул мне руку, теряя в каждом последующем действии «философичность» своей натуры и приобретая все большую мрачность.

— Больно, — с трудом выдавил из себя я, сквозь связывающие мое тело спазмы взявшись за руку Аарона: теплую, сухую, шершавую и невероятно «отстраненную».

Резким рывком, в движении подхватив второй рукой меня за плечо, чтобы я не упал, Аарон поднял меня. Фундамент стал ощущаться иначе: я как будто бы на себя примерил роль организма, сменившего водный образ жизни на суровый наземно-воздушный. Все физические силы давили на меня ото всех сторон, пытаясь повалить обратно. Ужасно кружилась голова, из-за чего к горлу неприятно иногда подходило содержимое желудка. В глазах двоилось, но я не терял бдительности и искренне умел так же качественно и оперативно отдавать себе отчет, в каком месте я нахожусь.

— Евгений Кузник, ты привыкнешь. Старайся не терять сознание в бою, не давай обществу властвовать именно над твоим падением. Твое дно — самое интимное, что могло бы у тебя быть. Прости за мою витиеватость, как хотелось бы повторять раз за разом, в параде ущербных смеются над тем, что потенциально должно вызывать слезы. В этом заключается глубинный смысл нашего трагичного торжества: усмехаться над слезами и ущемляться искренним смехом. Ты кажешься максималистом, но раз ты правда решился работать в таком месте, тебе стоит привыкнуть — твоя боль есть самая лучшая подружка, которая единственная тебя поддержит в рамках всего, что тебе придется испытать и пережить, — Аарон говорил уверенно, отчетливо.

Расплывчатость взгляда препятствовала мне внимать отчетливости, однако ушами я достраивал реальность вокруг неповторимыми болезненными оттенками, которые моментально впитались в стены, пол, которые диффундировали в воздухе и уже погружались в мое тело, в меня. Я отошел от него, осторожно делая шаг в сторону, — впервые искренне захотелось домой. Показалось, там безопаснее всего на данный момент осмыслить произошедшее. Шаг за шагом, я машинально двигался к выходу, даже в сознании не представляя, как можно выйти на улицу: такие мелочные факты вросли в меня, пока я вытягивался вдоль всего поля в состоянии острейшей боли.

— До свидания, Женя Кузник. Не пропадай, еще столько всего у тебя будет в жизни. И хорошего тоже, — Аарон Тит полушепотом выговорил эти слова, после чего удалился куда-то.

Может быть, он пошел в самый дальний угол помещения. Знать не мог наверняка, так как не хотел оборачиваться и запечатлевать уходящего вдаль уборщика-нелегала. Каждый звук его шагов, размеренно удалявшийся от меня, создавал явное впечатление, что я обманут, — шаги эти будут только приближаться. И даже я не мог внятно себе ответить на вопрос, хочет ли этого сам Аарон или я сам.

Запись 14

Сегодняшние пары в университете мне давались сложнее обычного. Я и обычно кое-как вслушивался в слова лектора, урывками визуализируя суть сказанного, но сегодняшний день усложнил мое избирательное слушание в университете в разы. Точнее, все совсем не так, как это происходило в будние дни до всего этого. Конечно, я предположил и не стал опровергать мысль о моих еще не остывших впечатлениях после первого моего боя без правил. В скором времени Лексий обещал со мной связаться, обсудить дальнейшую политику моей карьеры, так сказать. Предложить лучший и самый дорогой сценарий моего поведения на ринге.

Однако размышлениями меня беспокоил вовсе не Лексий. Все было совсем не так. Удивительно осознавать, что на парах я вникал в каждое слово, в каждое междометие вокруг. Более того, все эти словесные структуры врезались в меня, царапали и резали с кровью, причиняя не самые приятные ощущения. Но высокая осмысленность слов одновременно жутко обесценивало каждую произнесенную фразу. Вот так. Воспринимал я все прекрасно, но в голове разросся в считанные секунды некий барьер логических рассуждений, искусно лишавший значимости каждое слово. Имели ценность сегодня лишь мои слова.

И именно такие, которые облепляли непонятные мне чувства.

Я далеко не сразу понял, что волновал меня весьма загадочный Аарон Тит и его зауменная вчерашняя речь. Не мог откинуть своих увлеченных вопросов, что это вообще за человек такой. И правда, я многого не знаю в организации таких нелегальных, но востребованных занятий. Судя по всему, очевидно, занятия смешанного ремесла: боевка, наркотики, где-то наверняка за неприметными дверьми важные и властные дяди занимались сексом. Аарон Тит — человек, убирающий помещения, где были совершены преступления, чтобы зоркая и строгая полиция не допустила и подозрения о происходивших преступлениях здесь. Наверное, такая должность имеет место быть и, более того, необходима быть. Однако этот Аарон кажется чрезмерно замысловатым человеком для такой низкой и поганой работы. Поставленная речь, еще какие-то безосновательные выступления в рамках непринужденной беседы. Житейские мудрые наставления и в то же время такая невыносимая легкость бытия в его глазах, манере речи — во всем. Честно, его слова были именно теми, которые, скорее всего, разрушали истинность иных аргументов вокруг и увлекали так меня со страшной силой. Очень многое как-то поддуралки. Прозвище у него самое дурацкое. Аарон и Тит совсем не сочетаются друг с другом, это некоторая претензия на высокий смысл, недоступный простодушным и поверхностным? Или он таким образом хотел подчеркнуть, что он сам по себе ходячий оксюморон. Живое недоразумение, которое по наитию появляется после всего мероприятия. Интересно, со сколькими моими «коллегами» он знаком. Хотелось бы узнать его лучше, узнать, как он докатился до подобной жизни. Знаете, к горестным дням своего бытия, попадая в различные тяжеловесные беды, человек попадает по двум причинам: от незнания и от знания. В этом плане, пожалуй, мы с ним на разных берегах. Явно кажется, что знает он больше меня. Или, быть может, он был таким же дураком амбициозным в свое время, как и я. Сколько ему лет? Кто бы знал? Знает ли Лексий? Или начальник всей системы?

Меня поразила его мысль про парад ущербных. Про смех, состоящий из слез, и слезы, склонные к насмешливости. Я был вдохновлен произнесенным, так как я прочувствовал весь смысл фразы в себе. И представил все события, существующие в рамках такой непростой и черной профессии, соотносимые с этим высказыванием, даже несмотря на то, что представлял я вещи, очевидно, только приближенные к действительности, — откуда я знал наверняка, как дерутся другие мои коллеги обычно в свое рабочее основное время. Однако Аарон прав, несомненно прав. Безысходная ловушка. Люди в потерянных и отчаянных чувствах, от незнания этих чувств или от преисполненного знания об этом приходят сюда. Многое в такой профес-

сии заставляет подчиняться, раскалывать и крошить свой моральный кодекс, вкушать всем телом свою ничтожность. Какие бы чувства это могло вызвать? А если между всем этим, когда ты делаешь вид, будто живешь нормальной жизнью и всегда ею жил — с непоколебимыми моральными ориентирами и прочим таким. Как тогда? Конечно, это вызовет нестерпимый диссонанс. И над смешным захочется плакать, и над грустным смеяться, потому что за теми стенами по ночам все ровно наоборот. Наверное, уважаемый Аарон Тит — Виктор Суриков, хотел донести мне именно эту мысль: моя жизнь не станет прежней никогда, и я всего лишь сейчас притворяюсь парнем, в жизни которого подобных роковых изменений не происходило. На деле же я сломлен, во мне бесконечной широты надлом. Большой вопрос, превращусь ли я в жестокого человека, потеряв в надломленной темени своей души свою мораль. Лекторов я не слушал вообще. Неоднозначный мой преподаватель высшей математики сегодня смотрел на меня с еще большим недоверием, однако намеренно не задавал мне насущных вопросов по своему предмету. Видел также Сашу, мимо меня прошла куда-то по своим делам. Мы на миг встретились взглядами. Я увидел в ее глазах обеспокоенность, безмерную усталость. Мое понимание ее образа могло выйти на новый уровень, так как я прочувствовал этот взгляд на себе, не пользуясь безрассудными вопросами и рефлексией у себя в голове. Я просто пропустил через себя и ясно осознал, как человеку могло бы быть тяжело от какого-то гнетущего факта. Не уверен до конца, но показалось, когда наш зрительный контакт закончился, и мы продолжили идти в своем направлении, Саша будто бы остановилась и оглянулась, пребывая в изумлении от какой-то моей реакции в этом действии. Но мне все это может лишь казаться. Возможно, я все еще наивно и добродушно верю, хочу верить, что могу понравиться этой неотразимой и удивительной девушке.

Запись 15

Сегодня решил пропустить несколько пар, прийти к третьей или к четвертой на крайний случай. Столкнулся с утра с удивительным для себя порывом — пройтись, прогуляться по неприметным улицам. Губы щипало со внутренней стороны, видимо, чудаковатым образом умудрился ободрать столь нежную поверхность ротовой полости. Надо сказать, внешне мои губы тоже оставляли желать лучшего: побитые и иссушенные. Вновь взглянул внимательно на свои синяки под глазами — в них проявился блекло-зеленоватый оттенок. Неприятное сочетание темно-фиолетового и бледно-зеленого, никакой бы творческий человек со вкусом не оценил. Давно не брился, по иссеченному так же блекло и незаметно лицу выросла некоторая щетина. Зрелище не менее своеобразное, словно бы пытаюсь все свои глубокие порезы и неровности на лице скрыть выступившей щетиной. Волосы стали чуть длиннее, более эффектная челка наблюдается теперь. Похож на Иисуса, сломленного низкой земной мыслью. Надо заметить, в подробные истории охотно верится, талантливые в своей святости люди в отчаянии и боли падали ниже плинтуса. И что дальше? А как бы сказал Аарон Тит: парад ущербных, не так ли?

Данной личностью сегодня я был увлечен, конечно, не так, как вчера, однако с ним у меня происходили не менее занятные ситуации внутри моих рассуждений. Я не думал об этом человеке и едва припоминал его идеи, однако абстрактный его образ, оживленный в моей душе так дотошно, заставлял размышлять в целом и продолжать обличать в слова приходявшие вопросы и ответы на эти вопросы.

Браво! По этой причине я не смог заставить себя пойти в вуз. Хотелось гулять, потому что на улице в движении думается проще. Приобретая ритмичность, я таким образом мог не медлить долго с каким-нибудь умозаключением, раскрывавшем бы мне промежуточное значение жизни. Основные концепты понять сложнее, ритма и невнятного образа Аарона недостаточно. Нередко, когда я углублялся в размышление об условиях своих умственных действий, невольно переводил вопрос на эти условия, на сущность этих условий. Хотя в принципе, так посудить, я, очевидно, совершаю занимательную, но ошибку. Этот мир в известной степени опосредован нами, наука переживает необычайный для себя кризис самоопределения. Различные знания вокруг об округе — средства, знаки и условности, введенные и придуманные людьми. Из этих знаков составляются вполне действительные и рабочие системы, составляющие уже в свою очередь внушительный инструментарий жизни. Каждый раз, когда мы пытаемся отвечать или хотя бы развивать далее вопросы, стремящиеся раскрыть суть самой жизни как независимого явления, почему-то всегда неловко отождествляем жизнь с тем инструментарием, который мы ввели для ориентации и условностей. Оно и понятно: как рассуждать иначе об этом всем? Человеку затруднительно найти ответ на вопрос о смысле жизни, потому что при попытке ответить он использует введенный им же инструментарий, который, вполне может быть, не отражает уникальных особенностей жизни как таковой. И если и получается какой-либо маломальский ответ, то, скорее всего, он будет сводиться к смыслу человека среди его систем и условностей, а не жизни. Мы, наверное, создания несовершенные. Весьма так, можно попытаться быть уверенным в этом. И сознание наше несовершенно, и органы чувств. Света и цвета, пожалуй, и не существует в жизни, ведь таково наше собственное искажение жизни нашими специфическими органами чувств. Квантовая физика в какой-то момент в растерянности осознала, что законы механики неактуальны в данных условиях, при других средствах. А математика? Что с ней не так? В стремлении доказать одну занятную теорему невольно все равно сталкиваешься с ее односторонностью, которая смягчается тем, что в отношении заданных теорем мы применяем сугубо заданные приемы объяснения, в противном случае две доказанные верные позиции существуют одновременно, не имея возможности состыковываться вме-

сте как-либо. Быть может, смысл жизни действительно есть, но ввиду неизбежной ограниченности нашего сознания, которая проявляет себя именно в этой опосредованности, нам странно описывать иначе возможный ответ на волнующий вопрос, потому что средства не позволяют нам выйти за пределы системы. Но, наверное, человек иррационален, и при всем своем несовершенстве он может лишь подозревать о развитии другого сценария. Именно это подозрение уже как минимум является признаком наличия смысла жизни.

Я только недавно вышел на улицу. Не рассматривая карты города в телефоне, я отправился в неизвестном направлении прогулочным шагом, думать дальше. Оделся специально легче, чем погода требовала. Холод обычно держит меня в состоянии бодрствования, ощущая приятное покалывание в верхней зоне ушной раковины, иссушенные губы находят применение своей сухости на таком холоде. Словом, очень многое в умеренном холоде воодушевляет меня вынужденным путем, из-за чего я рефлексирую лучше. Однако шарф стараюсь надевать каждый зимний вечер при выходе на улицу, за шею отчего-то беспокойно. Хотя порой и хочется всем телом в глубокий сугроб снега, даже шею готов подставить — вывернуть как-то при падении.

В общем, смысл, может, во всем этом и есть. Но что до меня, Жени Кузнецова, учащегося на врача и подрабатывающего на боях? По-дурацки все это как-то. Очевидно, испытываю определенное чувство абсурда. Смысл, может, и есть, но я — выбитый из системы, потерявший связь с обыденным значением предметов вокруг, заметил, что цинизма показного стало во мне больше: внутри я все такой же чувствительный милый мальчик, а на поверхности — голимый цинизм и тяжелое чувство абсурда: придумали же жизнь. Неизбежно нахожусь в ожидании смерти. Пока, к сожалению, где-то и живу смертью. Не могу избавиться до конца, особенно когда просыпаюсь, с этим чувством пустоты, тонкости своей телесной оболочки перед всем тем, разрывающем изнутри. И пусто, и бессмысленно, и абсурдно. Лишь пыльное, тяжелое, едкое послевкусие умершего быта умерших родителей. Думал над тем, чтобы при случае ремонт какой сделать, только дело платное, деньги откуда-то брать надо. Хотя заработанные на данный момент деньги едва ли хочется тратить: уже стало проще не есть, не спать нормально, а приходить ночью домой и грустно лежать, вглядываясь в чуть запятнанный потолок. Бесплатно только вещи мелкие выкинуть — важно выделить вечер.

С неясными и отчасти волнительными идеями о всяком я еще проходил достаточно долго, пока вдруг не решил посмотреть, который час. Телефон указал на время позднее для того, чтобы уговаривать себя растянуть моцион на лишний час. Впрочем, подумал я, дорога до университета сыграет на руку и послужит хорошей жизнеутверждающей нотой моим бесформенным чудным монологам этим днем. Все-таки залез в карты и оценил маршрут до учебного заведения: пешком спокойно можно пройти минут за сорок. Я положил телефон обратно в карман брюк, засунул ладони в теплые и мягкие карманы куртки, сделанные из флиса. Через несколько минут я свернул направо и должен был пройти вдоль всей улицы, куда я повернул. Она не является какой-либо востребованной, важной, центральной, поэтому дороги на этой улице убиты сильнее обычных городских пейзажей. Однако я ловко и искусно обходил асфальтные дыры, стараясь не наступать ботинками в мокрые ямки грязи у бордюра. При виде большой глубокой лужи напряженно и сосредоточенно перебежал тротуар: мало ли какая дерзкая чучундра проедет и не захочет на большой скорости по луже проехать, вдруг обольют. И такие ребяческие увлечения, достойные отмороженных дебилов, нередко встречаются в жизни, когда совсем, конечно, не до луж.

Обычно я машинально смотрю вниз, под ноги. Не то чтобы мне было странно смотреть вперед и любоваться красотами обыденной жизни вокруг — неутолимая тревога не наступить на что-либо неясное, скрытое стремление знать асфальт под ногами полностью, чтобы ощутить себя в некоторой безопасности. В противном случае, мне приятнее от мысли, что от неблагоприятных тротуарных мест я смогу обособиться, изысканно их обойдя. Однако, конечно, при-

знаю, что обладаю привычкой в меру странной. В очередной раз шел и смотрел на безобразные асфальтированные разводы, во вкрапления этой дорожки забился снег с грязью. Ботинки невольно порой наступали на достаточно объемные вкрапления, уже переставшими ими быть и называвшими уже себя ямками посреди дороги, из-за чего нога неприятно «чавкала» при контакте с грязью. Размышления о некрасивом и тем более бесформенном заставили меня на некоторое время все же идти, смотря вперед, хотя впереди вид был значительно лучше. Грязь не мелькала постоянно перед глазами, в поле зрения попадали даже какие-то эстетически интересные вещи: граффити на зданиях, геометрически верные постройки, еще что-нибудь. Но все-таки чувствовался невнятный душивший меня дискомфорт. Смотреть вперед уже представлялось мерой вынужденной, самая явственная проверка на силу воли. Чтобы отвлечься от мерзких и нелепых ощущений, я сфокусировал взгляд на человеке, куда-то шедшем впереди меня. Для удобства я ограничил свой объем внимания до спины прохожего, всматривался в драпировавшую теплую черную куртку мужчины. Черный цвет интересно переливается соотносимо бессильным и тусклым солнечным лучам, падавшим на его спину. Плечи широкие, голова практически неподвижна и подергивается в такт шагам прохожего. Мужчина без шапки — отсюда видны его слегка оттопыренные красноватые уши, причем левое сверху несколько неровное, словно его ободрали жестоко, укусили, погрызли. Похожее необычное ухо было у Лешика, причем своеобразным этот орган слуха был не с рождения — отец в опасном приступе ярости как-то бутылкой ухо задел.

В травматологический пункт одноклассник попал поздно, проще было придать форму новому, чем пытаться все усилия бросать на восстановление хрящевой ткани. Быть может, я тогда совершил страшную глупость, предложив ему подыскать стильную сережку такой же неклассической и непривычной обществу формы, чтобы такая телесная особенность, такой дефект был признан и указан ближайшим зевакам как нормальное отклонение, как бы странно это сейчас ни звучало. Но он тогда огрызнулся в мою сторону, в то время такой жест воспринимался по-гейски. Это, причем, даже сейчас осталось на уровне моих предположений, может быть, он вообще циника во мне разглядел или предателя еще в том разговоре. Насупившись и почувствовав моральный упадок, я бессознательно начал сравнивать прохожего мужчину в куртке с Лешиком, с таким Лешиком, какого я себе запомнил. Нос, плавно очерченный, густые темные брови, нежный и невинный взгляд, глубокий рубец на нижней стороне правой щеки — рассеклась при неудачном падении, где рядом сломанный пластиковый стул находился. Отеки на лице, синяки и мешки под глазами, вымученное худощавое тело, но потенциально мужественная осанка.

Неожиданно для меня мужчину в куртке привлекло нечто на противоположной стороне дороги — он повернул голову чуть вправо. Боже правый, я отчетливо заметил тот самый рубец, который был у Лешика. Это точно он! Горло заболело, резко напряглись мышцы в этой области. Легкие скрутило, а в животе «забарабанило» чем-то колючим. Сердце билось изо всех сил, возмущаясь и сбиваясь с толку от мнимых ранений органов внутри моего тела. Безумно хотелось подойти, хотя бы банально поприветствовать его, но даже при одной только мысли ноги становились ватными. Я начал проговаривать в своей голове, убедительно и строго: правой ногой вперед, теперь левой, поднять ногу, опустить. Мы не виделись столько лет — на чем мы прервали свои отношения? Да и были ли они прерваны? Скорее, восприняты были как вполне завершенные. Я бросил друга в тяжелый и, несомненно, эмоционально болезненный для него момент. Как я могу после всего просить условного прощения даже на простое добродушное приветствие: оно недостаточно искренне для него. Запущенный алкоголизмом, вернулся в итоге домой — по какому поводу? Отец допился? Боже, я даже не смею знать, жив ли кто из его родных? Серьга относительно недавно, кажется, говорил о приезде Лешика в наш город вновь. В самом деле, я отвлеченно и невнимательно слушал тогда своего друга.

Сейчас я испытывал глубочайшее чувство сожаления и стыда за сделанное мной в глупой и беззаботной юности, бестолковой и непростительной юности. Может быть, ненароком я приписывал какую-то святость своему бывшему другу: просто за то, что он решил вернуться и показаться мне на глаза снова, напоминая о себе своей невозмутимой с виду жизни. Так он хотел бы доказать мне окончательно, как я был не прав, оставляя его в беде одного? Господи, что все это значит? Отчего же измученный человек возмужал и спокойно расхаживает по улицам моего родного города? С каким обращением ко мне, с каким посылом? Сам того непосредственно не желая или, точнее, этого опасаясь, по случайности с неприкрытым раздражением от своего же замешательства я крикнул вслед, даже не совсем ожидая ответа:

— Лешик!

Запись 16

Мужчина в куртке неловко остановился, причем неповоротливость его замешательства началась с оцепенения головы от услышанного, ноги остановились, словно бы просто не в силах заставить переместиться окаменевший груз органической думающей субстанции. Некоторое мгновение времени он неуклюже и неуверенно стоял передо мной. По рукам пробилась дрожь, кисти как будто залились кипятком, объемлющим и сжигающим мое тело. В ноги упал непосильный груз, и я тоже замер вместе с Лешиком, томительно ожидая ответа, хотя бы ошибочного. Я был бы рад сейчас услышать, что чуждому мне человеку послышалось что-то знакомое, и произошел не более чем несурзанный казус. Но ужасающий образ до боли знакомого мне чужака вынуждал меня ждать более целесообразных ответных изречений от него — Лешиком его могли называть лишь я, Серьга и Максон. Вариантов у Лешика на определение звавшего не так много — наглый дурак Женька Кузнецов и вежливый, застенчивый Серьга, всегда прощающий и жертвующий ради прощения. Жгучее и сковывающее, нечто вроде кипятка, подступало все ближе к горлу. Мне становилось все жарче и жарче стоять на улице, а воздух словно бы не доходил до моих легких, испаряясь в дыхательных путях. Я знал, как бы жалко это для меня самого ни звучало, — скажи он любое слово, даже самое дурацкое, спроси он любой неприметный или уточняющий бесстрастный вопрос, я ослабну перед ним, мощным потоком выговаривая слова «прости, извини». Вина захватит меня за горло и агрессивным движением заставит упасть на колени, уже не видя перед собой самого Лешика. Знаете ли, в искреннем раскаянии, которое становится чрезмерно страстным и порывистым, сам предмет чувств теряет свою ценность и растворяется в угловатых, острых силуэтах вины, делая сам процесс раскаяния в чем-то бессмысленным. Да-да, я прекрасно донес до себя эту мысль — мое раскаяние перед Лешиком бессмысленно. Нуждается ли в этом сам Лешик? А точно ли я нуждаюсь в раскаянии ему? Меня вдруг на удивление постигло сомнение, что я обязываю себя виноватыми упоениями не совсем о Лешике, меня во многом вынуждало самое по себе отчаяние. Дурак, вспомнил о чувствах Лешика, только когда сам лишился всех и всего. Быть может, мои суждения запутывались в безобразную увесистую путаницу изумительных, кричащих, сомневающихся и разоблачающих себя мыслей. В моей голове пронеслось слишком много мыслей, умозаключений и умножилось еще больше вопросов о себе и своей жизни за это мгновение.

— Откуда Вы знаете Лешика? — наконец задал вопрос оппонент своим суровым и мнительным тоном.

Мужчина обернулся и взглянул прямо на меня, и у меня отпали всякие предположения — это точно Лешик. Рубец отсвечивал чем-то матовым, казался мне отчего-то смазанным. Быть может, кожа во многих местах сгладила рубец, подобно море делает из мерзкого пивного осколка гармоничное мягкое стекло. Алкоголизм не забывает о себе и стеснительно указывает на себя в заметных отеках на щеках, однако глаза Лешика вовсе не стеклянны, они оживлены, насыщены, переполнены чем-то динамичным и требовательным. Лешик изменился, в особенности преобразилась его порывистость жить, пустота в его душе, очевидно, несколько наполнилась, однако я все равно узнал своего давнего друга по неиссякаемой беспомощности вообще: окостеневшие тонкие руки, синеватые пятна на пальцах. Лешик хотел жить, но получалось у него это с переменным успехом и обходилось ему слишком дорого, если к бутылкам он и не прикасался определенное долгое время, Лешика изнутри убивает недоверие к своему же желанию бороться.

— Я — Женья Кузнецов. Помнишь? — робко пролепетал я, словно очкастый неинтересный первоклассник пытался найти себе друзей в незнакомом классе. — Мы с тобой общались, когда учились в школе.

— Жень, — лицо Лешика немного исказилось, опечаленный и мрачный взгляд необычно контрастировал с едва заметной нежной улыбкой. — Разошлись на нехорошей ноте, помню.

Я опешил, встречая в себе уже готовящееся бессмысленное и рассыпчатое в своей бес-содержательности раскаяние, но держался изо всех сил.

— Прости... Я был дураком, самым что ни на есть дураком. А потом, набравшись смелости, я не смог связаться с тобой, чтобы извиниться. Серьга мне рассказал, что ты недавно вернулся в наш город. Рад судьбе, что я ненароком наткнулся на тебя.

— Серьга? Вы все знали о моем приезде?

— Серьга более предприимчивый в вопросах свежих новостей. Я узнал относительно недавно от него.

— Лучше бы не знали, — подавленно и с заметной долей болезненности в голосе сказал Лешик. — Мы разошлись, на этом разумно было закончить историю нашего общения.

— Но ведь детство — нас связывает непосредственное общение, беззаботность и ребяческая беспечность, какая была и никогда больше не повторится, лишь тепло останется в памяти каждого, — в бессилии и уязвимости протараторил я.

— Общение? Его нет. Мы все разрушили. Жень, у кого осталась эта теплая и милая ностальгия в сердце? Макса? Сережи? Он первый обо мне забыл, как только отказался поддерживать такого нелюбимого бездаря, мученика, как я. Жень, себя не обманывай — не лепи любовную картину изящного мира. Выйди из своего сада изящных слов, в кои-то веки. Не благодари судьбу за эту встречу, дураков прощают не по их раскаянию, а по факту. Я тебя давно простил, Жень, потому что мне же дороже на вас всех дуться сидеть. Я просто простил и вежливо попрошу не пытаться все возвращать. Нечего, — пылко, нетерпеливо говоря предложение за предложением, но периодически делая очень короткие паузы, в которых Лешик пристально и очень глубоко всматривался в меня, наверное, сканируя меня всего, он выговаривал каждое слово очень четко, поставленной речью, после каждого конца предложения иронически и черство ставя мне риторический вопрос. Я знал — он не простил. Вся его пылкость речей и яростность экспрессии мне об этом сообщала. Но я отчасти был согласен с ним, или, быть может, слепо доверился его обездоленности. Сказав последнюю фразу, не дожидаясь даже моей эмоциональной реакции, Лешик развернулся и ускоренным темпом направился куда-то вперед.

Потеряв зрительный контакт с давним другом, я несколько успокоился. В ногах вновь появилось ощущение определенной легкости, я снова не был погружен во вражду с горизонтом. Асфальтированная дорожка, заляпанная в объемном масштабе вязкой неинтересной грязью, представляла мне полноценную возможность точно также уйти с несчастливого места встречи. Однако я стоял как вкопанный ввиду своей разбитой озадаченности. Хотелось догнать, опять остановить развернуть, но, чтобы тогда я ему сказал? В очередной свой раз стал гордиться бы своей выдержкой перед неистовым и странным таким раскаянием, но какова вероятность, что Лешик мне не ответит точно так, как произнес только что? Отсутствие ответа, который словно бы извели до неузнаваемости, что стало проще говорить об отсутствии всех перспектив, вызывало во мне волнительные и очень горестные чувства. Здания вокруг как будто сами совершенно по-настоящему покосились, меняя свою перспективу. Голова закружилась, меня начало тошнить. Столь добросовестный мне горизонт опять сулил мне неприятный удар в виде ощущения дрожания почвы под ногами, стало непросто поймать себя на мысли об устойчивости дороги. Мысли забегали, и душа моя в ответ на кавардак устремлялась в какую-то форму агонии лишь быстрее.

— Что-то во мне осталось! Есть, что поддерживать! Остался я! Я есть, я такой же живой, как и ты! Все еще чувствующий и живой, как и ты! И я поддерживаю, и у меня есть тепло в моем сердце! — искренне и чувственно прокричал ему вслед я, уже минут пять совсем не видя его поблизости.

Это было все, что я мог непритворно тогда выразить. Это было единственное связанное и внятное во мне, что только я мог сказать. Но чувствовал я тогда больше, чем выговорил, хотя и вложил в свою последнюю реплику все мое внимание к ситуации, которое на тот момент у меня присутствовало. Я ощущал в себе большее и загорелся чем-то большим, что даже синяки и порезы с первого моего боя будто бы перестали напоминать о себе своей навязчивостью, уступив место этому самому большому. Тем не менее где-то на периферии моего сознания, формируя целый плацдарм всем моим сомнениям и наглой гнилой идее сдаться, отдавало неприятным послевкусием бестолковое, но невероятно щемящее чувство покинутости. «Большее», однажды врезавшись в меня, имело потенцию покинуть меня, может быть, насовсем, и тогда я в самом деле останусь один, даже я сам себе стану могилой, несовершенной и потрескавшейся под натиском слов Лешика.

Запись 17

Сегодня утром я проснулся весь в холодном поту, пребывая в поглощающем ужасе от приснившегося кошмара. Сейчас мне кажется происходившее в моей голове чем-то инородным, абсурдной выдумкой увлеченного мозга, но тогда утром я еще не был до конца отделен от сюжета моей придуманной картины. Я снова маленький мальчик, мама жива, родители дома, лето — приятный, теплый и светлый, солнечный день. Я дома, приоткрыт балкон, а ветер неспешно раскачивал тончайшие белые полупрозрачные шторы, на которых интересным матовым оттенком отражалось солнце. Внезапно мне становится не по себе, трудно сказать, что мне стало именно плохо. Скорее, меня окутало странное ощущение, которое стремительно точно локализовалось в области рта. Казалось, что границы ротовой области набухли, и все специфически болело, будто бы после укуса комара, когда в порыве непосредственного раздражения расчесываешь долго этот укус, он, не переставая вызывать зуд, начинает при этом немного болеть. То же самое было с моим ртом во сне — он болел и зудел одновременно. Я предположил, что мог съесть какое особенно кислое яблоко, которое таким образом раздражало мои чувствительные десны. Смышленому юнцу, мне тут же пришла в голову идея тщательно прополоскать рот. Вода нейтрализует раздражитель неизвестной мне природы, что возможно будет в дальнейшем обойтись без скорой помощи или лишней родительской морочки. Я зашел в туалет и подошел к раковине и, включив воду, уже хотел достать стаканчик с ближней полки для гигиенических процедур, однако странные ощущения во рту внезапно резко усилились. Казалось, что наступил пароксизм. Усиливающаяся вместе с тем тревога внутри меня вынудила только быстрее расправиться своим проверенным мудрым способом с неприятными симптомами. В приступе бессилия и дрожи от тревоги меня накатил разовая волна тошноты, я несколько пригнулся, опустив голову. В этот момент боль еще сильнее усилилась, я испытал отвратительно простреливающее ощущение, в результате которого весь рот словно бы горел. Я ненадолго зажмурился от таких перемен своих симптомов, но быстро осмелился прояснить случившееся в своем сознании и открыть глаза, чтобы завершить то, что изначально я хотел сделать. Открыв глаза и взглянув на раковину, я оцепенел от страха, — белая раковина была небрежно оплевана кровью. В этой крови неясно красноватого оттенка, в практически неподвижном состоянии находились какие-то существа — ясное дело, паразиты. Белые, неопределенной формы, с противными энергичными хвостами. Понять, что это такое, я не мог и не знал. Сейчас мне кажется, что таких гадов и вовсе не существует в природе. Но тогда меня искренне пробил насквозь ужас, поборовший меня, в ушах повторялся несколько раз звук разрывающихся клеток. Паразиты. И они вредят мне. Я безумно хотел позвать маму, слезы уже подступали к моим глазам. Единственная уверенность, светлое чувство в моей душе, рисовала детально образ матери. Когда я относительно привык к данной картине и перестал добавлять к увиденному новые детали, я стал кричать, зовя беспомощно мать, надеясь лишь на ее скорейший приход и помощь. Вдалеке услышал ответом обеспокоенный, испуганный голос матери, которая мигом помчалась в туалет. В моем крике она до самого сердца прочувствовала мою безвыходность в том, что происходит, и, когда мчалась, добиралась до меня, она убедительно говорила, что все будет хорошо, что она многое прочитала, пережила столько разных ситуаций, очень многое решается. Все замерло вдруг, но ее убедительный и надежный, нежный и любящий голос не остановился со всем сном. Мама мчалась помочь мне, несмотря на иррациональное, безумное решение всего мира сна оставить все как есть, в ужасе и страхе.

Я проснулся. Безудержная темнота вокруг. Я пока не мог различить очертания мебели в своей квартире. Было невыносимо плохо, хотелось сплюнуть всю возможную гадость. Тело отдавало ноющей болью, в висках стучало — это была молниеносная циркуляция крови. На такой маленький диаметр сосудов слишком большой приток крови, поэтому все постукивало,

чуть звенело, дыхание тем временем прерывалось на мгновения, будто бы нарушалась сама функция обеспечения жизнедеятельности. Как-будто смерть приходила, лишь палец сунула мне в рот, горький и пыльный палец, явно закладывая в своей такой издевке нечто вразумительное и философское. Через минуту ужас мне стало по силам обуздать. Я взял себя в руки и встал, направляясь на кухню выпить недопитую еще со вчерашнего вечера кружку чая. В ванную заходить боялся, сон пока не отпустил меня полностью, потому во мне еще присутствовало неясное убеждение, что сюжет может повториться. Я зашел на кухню и включил свет. Не разглядев никого и ничего сверхъестественного, я несколько успокоился. На часах — четыре утра. Солнце даже не собирается выходить, не то время года, что уж тут.

Охота было все обдумать — о чем и для чего был этот сон. Конечно, сейчас мое сознание стремится определить толкование сна, обращаясь к некоторой мистике. Скажем, что так мать пыталась показать мне, что переживает, в какую я яму скатываюсь. Меня на долю секунды пробило на печальную ухмылку вместо сухих слез. Я неправильным образом усмехаюсь сам себе. Все проще — матери незачем переживать, ибо она мертва. Если бы она действительно беспокоилась, что со мной станет после потери всех них, она бы вряд стала сдаваться перед жизнью. Ведь так? Я ведь на боях без правил! Раз нет правил, правило тому только жизнь — там же я могу точно также умереть! Но живой же еще, потому что явно хотел бы еще пожить, дольше, чем мои родители, хотя после первого боя толком странно так самоуверенно заявлять о таких вещах, наверное. Странно все, сижу на кухне и пью чай. Вроде бы, все это материально и реально существует вокруг меня, а я способен это пощупать, осмыслить, даже владеть какими-то вещами. Но в то же время все это словно бы эфемерно, обманчиво и за моей спиной хитроумно ускользает от меня, а этот сон служит свидетельством того, что и мне бы пора... Да нет, бред сумасшедшего! Восемнадцать лет, я только поступил в университет! Не должен я вот так просто... А как же переживать кризис среднего возраста, пенсионные проблемы или какие-нибудь переживания насчет сущего пустяка? Если жизнь не зарубила, как-то мне нужно и важно... как сказать... жить? Так, наверное.

Жить.

Вымышленная, но завораживающая своим отвращением паразитология, быть может, искаженно мне сообщает о моих внутренних, личностных проблемах. Пожалуй, благодаря своей психике я подозревал глубокую дыру в себе от всего происходящего. Резкая и острая перемена моей жизни, разумеется, особым образом, больно, проявилась в моих переживаниях. Мое избегание своей же боли, вероятно, приводит к таким скорбным, жутким картинам. Странно было бы вести диалог со своим бессознательным, но я хотел бы вежливо объясниться — у меня и нет выбора, мне некуда деваться. Более того, сейчас вообще не время жалеть себя. Так я точно не продамся на боях, как бы противно это ни звучало со стороны. Другой момент — мама.

Я сидел и лениво допивал свой чай, задумчиво пялясь в монотонную бежевую стену передо мной. Почти дошел до дна. Редко когда кладу сахар в чай, но даже когда кладу, всегда халтурно размешиваю его. Из-за того в конце особая сладкая нота напитка, которая, однако, истребляет весь вкус чая. Хотя какой там чай — всерьез ли мне называть эти чайные пакетики чем-то основательным, качественным?

Мама... Я впервые понял, что скучаю по ней, даже больше, чем по отцу. Я был привязан к ней сильнее. И ее потеря заставляет болеть даже дыру отчаяния во мне — это иррационально и уму непостижимо. Вот как пустота может болеть или вообще выражать нечто подобное? Парадокс: пустое заставляет меня насыщаться болью, чтобы та сильнее расширяла пустоту во мне.

Вот знаете, Рене Декарт первый пришел к пониманию отрицательных чисел.

Это те же числа, та же мера исчисления, та же весовая категория.

Минимальные отличия, которые, собственно говоря, в основном заключаются в своей отрицательности. Будто бы с бытием и небытием что-то похожее: небытие абсолютно такое же, как и бытие, с теми же числами и мерой исчисления, только все отрицательно. Однако эта идентичность делает разным бытие и небытие, вызывая парадокс, который неуместен для моего ограниченного сознания, но который вполне возможен для жизни как таковой.

И только так можно объяснить, почему пустота может болеть.

Отца мне тоже жаль, я чувствую перед ним некоторую вину. Он озадаченно и иронично постоянно спрашивал меня в детстве, кого я люблю сильнее и к кому бы бежал за поддержкой — к папе или к маме. А я так же постоянно отвечал, что к маме. Почему-то так выходило — от матери веяло большей защитой, она была убедительнее его в своей аргументации к жизни. Он смеялся, но я не мог не заметить, как его это несколько печалило. Один раз в жизни я сказал, что люблю папу и маму одинаково, и тогда не вызвал этой легкой неясной печали в нем, однако я стабильно чаще стремился прикоснуться к матери в случае пугающих угроз. Отец, прости меня. А накануне мать... мне даже не хотелось обнимать ее. Наверное, в тот неважный период времени, когда мама переживала смерть отца, я бы вообще никак не ответил на папин вопрос. А сейчас... Сейчас ничего и никого. Ждать звонка, когда будут набивать мне рожу и за сколько. Терпеть преимущество медицинского вуза, который делает жестоко и основательно из каждого отважного медика. А мне деваться теперь некуда — отчисляться нельзя, иначе действительно в пору руки накладывать. В тот раз на кухне хотелось плакать. Но это желание было где-то глубоко-глубоко внутри. И это желание обезоружено — ему некуда выйти и нигде о себе заявить. Казалось, закрой глаза и попроси меня пальцем показать на некие слезные железы, как невролог просит закрытыми глазами указать на свой кончик носа, и мои руки беспорядочно начнут ощупывать все лицо, не в силах остановиться на какой-либо уместной, адекватной точке, которая бы соответствовала тому, что просят. Дисфункция нервной системы или действительно слезные железы мои иссохли, и организм попросту не счел нужным помнить про такой бестолковый рудимент. Я сломан, однозначно сломан. И очень-очень пытаюсь не оказаться сломленным, потому что если и это случится, жизнь моя закончится, совсем не начавшись. Я жду звонка Лексия о следующем бое.

Запись 18

Лексий позвонил мне с утра, но ввиду моей неясной ночи я проспал столь блеклый для меня звонок. В вялом и потерянном состоянии, когда все еще перед заспанными глазами размывалось, я разглядел назойливый номер в телефоне, и в области сердца что-то стрельнуло. Я разом прибодрился и дрожащими, нервными пальцами принял звонок. К моему удивлению, Лексий понимающе подошел к моей безалаберности в их работе. Ума не приложу, на кой черт ему стало так необходимо мне звонить прямо в семь утра, но я не смею даже вообразить себе какие-либо претензии, ведь я совсем ничего не смыслю в делах не особенно легальных. Диалог наш был недолгим. Его голос показался мне суровее, чем обычно. Голос Лексия отдавал некоторой озабоченностью, он говорил с приземленными, обдуманнами паузами, которые умело пытались скрыть от меня увесистый груз информации. То, что знал Лексий там, у себя, вероятно, по его мнению, могло заставить меня впасть в замешательство или, очевидно, как и всегда, ощутить свою ограниченность свободы выбора в решении некоей нависшей угрозы. Разумеется, это предельно ясно — я, хотя и играю якобы в бои без правил, на самом деле безоговорочно и жестоко подчинен правилам людей, гораздо более высоко стоящих в этой безрассудной системе высоких интересов. Я чувствовал что-то неладное в некоторой притворности и неполноте разговора с Лексием. Любопытно, мог ли он обнаружить в нашей беседе нечто недоверчивое и осторожное во мне, или он в самом деле был убежден в искренности исполнения своей роли многословного и умалчивающего оратора. С другой стороны, я, честно признаться, несколько лукавлю — замалчивания не были настолько непосредственными, я бы сказал, это было похоже на что-то такое, что отчасти вызывало сомнение в том, что какой-то детали не хватает, однако сам Лексий в принципе сообщал мне вещи, которые мне важно знать в своем положении, и деликатно менял тему, если она начинала подниматься в своей цене. Я знал, что я дешево стою. И я прекрасно был осведомлен о том, что факты тоже только дешевые мне уготованы в такой работе. Лексий заявил, что мой первый бой произвел фурор, но я не должен воспринимать это слово в привычном своем, юношеском значении. Ситуация не до конца ясна, какую политику я обязан принять в дальнейших боях, однако, с его слов, все стало ясно сразу же после завершения поединка. Все сложно и легко одновременно. Мне в своем юном и нежном возрасте, каких бы я ужасов и несправедливостей уже ни увидел в жизни, будет непросто понять сейчас Лексия, скорее всего, в телефонном разговоре будет проблематично донести сложившиеся обстоятельства, как они есть по-настоящему, поэтому он известил меня о своем визите ко мне завтра утром, примерно в то же время. Непросто пока даже и предположить, почему Лексий так привязан к утреннему времени. Всегда думал, что все подобные дяди, участвующие в чем-то нелегальном и трудоемком в своем производстве, активны в большей мере в ночное время суток. Право, наверное, мне стоило догадаться — послерабочее время для него будет уже как рабочее время для меня. Быть может, после своих основных вопросов он только тогда имеет возможность пересечься со своими подчиненными. Если он курирует низшие звенья, сколько же домов он уже обошел? Также Лексий заявил, что через несколько дней у меня намечается еще один бой, и вполне высок шанс срубить мне больше денег, чем было в первый раз. Опять же, все благодаря загадочному фурору, который я произвел. Надо же, я практически напрочь забыл весь свой первый бой, однако прекрасно запомнил Аарона Тита. Слишком хорошо, к моей неожиданности. Я меньше о нем пишу здесь, потому что не хотел бы повторяться, ведь образы в моей памяти ограничены пока что одними и теми же деталями, особенностями эпизодов взаимодействия с ним, но, надо быть откровенным перед собой, я не могу забыть этого человека и каждый день так или иначе порой задумываюсь о нем и о его жизни. Почему-то не оставляет страстное любопытство узнать, кто он такой и почему он такой. Наверное, в таких кругах быть уборщиком значит высокий статус и приличный доход.

Но этот мужчина невообразимо эрудирован и внимателен, остроумен и изворотлив, таинственен и недостижим. Он, вероятно, очень многое узнал обо мне, а я с каждым разом лишь сильнее запутывался в том, какой человек тогда находился передо мной. И это поражало меня, особенно когда Аарон сам бравировал этим, выкидывая какие-то личные факты, свое настоящее имя, прекрасно зная, что я жалкая пешка с блестящими глазами и ребяческим стремлением к безграничному познанию окружающего мира.

Когда в моем разговоре с Лексией появилась несколько тревожная для обоих тишина, где я ждал еще какой-либо значимой информации для меня, сообщавшей бы мне о моих шансах выжить в целом, и где сам Лексий пытался выяснить в себе, все ли он мог такое сказать, чтобы помочь мне в моей нужде спастись. Бессловесное ожидание чего-то позитивного вскоре было нарушено моим начальником:

— Что ж, пожалуй, на сегодня это все, Кузник. Прошу прощения, что толком ничего нового не сказал тебе. Твое положение в моих кругах просто правда весьма занятно и увлекательно... и на сутки мне необходимо затянуть этот разговор. Я тебе переведу немного от себя лично в ближайшее время, я бы посоветовал тебе отвлечься и развеяться как-нибудь — с девочками погуляй, или в университете посиди. Увидимся завтра, — голос Лексия, странно такое говорить, словно бы по-отцовски смягчился, стараясь принципиально меня защитить до последнего. Начальник завершил звонок, и я вновь погрузился в душную тишину, безвыходное и смиренное молчание.

Наконец, я отправился в ванную принять душ, как-то освежиться, по рекомендациям Лексия. Решился в спокойствии принять холодный душ — вода заставляла дышать мелкими частными вдохами и выдохами, а глаза раскрылись в полной мере. Заспанность в моем теле треснула и утекла в канализацию вместе с холодной водой, неторопливо и монотонно оmyвающей меня и уходящей тут же прочь. Через некоторое время холод, который сковывал, дал возможность привыкнуть к себе. Я решил принять сидячую позу и задуматься о сегодняшнем дне, как его было бы разумно провести. С Серьгой встречаться желания у меня не возникало, вряд ли это будет правильное решение накануне событий, которые будут требовать от меня максимальной внимательности и усердия исполнения. Да и после моей случайной встречи с Лешиком, кажется, еще какое-то время будет тяжело завести разговор с Серьгой. С него же стала возвращаться эта давняя горькая история про Лешика. Удивительно и больно — он впервые меня назвал Женей, просто Женей. Быть может, это вполне себе и говорит о его осознанном отказе восстанавливать общение. Хотя я бы не стал в принципе исключать факт того, что прозвища эти дурацкие и по-своему нелепые, а именно Леша так хотел освободиться от оков тягостного юношества. Не покидают беспокойные мысли о том, что его переход на обыкновенные обращения, напротив, лишь пододвинул меня к реанимации моих отношений с Лешей, выдвинул разговор на более серьезный, откровенный и взрослый уровень. И мне бы стоило, действительно, самому повзрослеть и на равных обсудить с Лешей многие незаконченные проблемы. Стоило бы лишь просто повзрослеть еще сильнее, пускай моя жизнь, превратившись в песок, упрямо ускользает от меня, — потеря всего не может заставить меня полноценно повзрослеть, я должен принять свою человеческую слабость перед обстоятельствами и задуматься реально над тем, на что бы я мог повлиять даже в ситуации безыдейной несудачи, заносчивых лишений. Ведь, как я размыслил после того сна, пустота способна болеть. А это значит, что в пустоте я тоже, как некоторое амбициозное звено, мог бы что-то воспроизвести. В общем, не хотел я сегодня думать о Леше или Серье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.